

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПЕРЕПИСКА С С. С. КОНДУРУШКИНЫМ

Предисловие, публикация и комментарии
В. Н. Чувакова

Переписка Горького с С. С. Кондурушкиным началась в январе 1908 г. Последнее известное нам письмо Горького этому корреспонденту датируется мартом/апрелем 1912 г., а завершающее переписку письмо Кондурушкина было отправлено из Петербурга на Капри 30 января / 12 февраля 1913 г.

Писатель и журналист Степан Семенович Кондурушкин (1874—1919) родился в селе Липовка Самарского уезда и той же губернии в бедной крестьянской семье. После окончания в 1898 г. Казанского учительского института Кондурушкин уехал в Палестину, где работал учителем и помощником инспектора школ. В 1899 г. одно из своих ранних сочинений — «Весеннюю сказку» — Кондурушкин прислал в редакцию «Русского богатства». 23 октября 1899 г., отклоняя рукопись, В. Г. Короленко писал автору: «Аллегория Ваша растянута, мысль неясна, образы неопределенны <...> Отчего бы Вам вместо туманных аллегорий не попытаться познакомить читающую публику с особенностями той жизни, которая Вас теперь окружает? Пишете Вы литературно, кое-где красиво, а наблюдение над своеобразной жизнью — отличная школа»¹. Кондурушкин последовал совету Короленко. В 1901—1906 гг. в «Русском богатстве» печатаются его рассказы и очерки, составившие цикл «Из скитаний по Сирии». Вернувшись в 1903 г. на родину, Кондурушкин целиком отдается литературной деятельности. В 1907 г. он начинает переговоры с К. П. Пятницким об издании первой своей книги рассказов и очерков в «Знании». Внимательно следя за русскими газетами и журналами, Горький имел представление о творчестве Кондурушкина еще до того, как получил от Пятницкого в отписках его произведения. Перечитав их, Горький высказался за издание их «Знанием». Под заглавием «Сирийские рассказы» первая книга Кондурушкина выпущена издательством «Знание» в 1908 г. с посвящением: «Владимиру Галактионовичу Короленко от литературного крестника». Кондурушкин печатался в сб. «Знания» — повесть «Моисей» (XXV, 1908) и рассказ «В солнечную ночь» (XXIX, 1909). В 1909 г. «Знание» издало второй том «Рассказов» Кондурушкина, в который вошли его произведения разных лет.

В переписке Горького с Кондурушкиным довольно отчетливо прослеживаются две соприкасающиеся друг с другом линии. Это, во-первых, литературное наставничество Горького и, во-вторых, полемика по актуальным проблемам современной общественной жизни. Печатаая Кондурушкина в «Знании», Горький на первых порах полагал, что молодой автор еще не раскрыл в полной мере возможности своего писательского дарования (и отчасти преувеличивал художественное значение сочинений Кондурушкина). Читая присылаемые Кондурушкиным рукописи, Горький-редактор преподавал автору несколько уроков литературного мастерства, с благодарностью принятых Кондурушкиным. Вместе с тем довольно быстро обнаружилось различие в понимании Горьким и Кондурушкиным насущных проблем русского освободительного движения, русского национального характера и места писателя в общественной жизни. Спор Горького с Кондурушкиным принимал все большую остроту и в итоге привел к разрыву. На взгляды Кондурушкина оказало большое воздействие его пребывание в Палестине и «впечатления» от Ближне-

го Востока, где Кондурушкин мог наблюдать весьма пеструю, причудливую картину «сосуществования» разных религий — от христианства до иудаизма и мусульманства. У Кондурушкина сформировалось весьма устойчивое представление о религии как об особой форме народного сознания. Извечное стремление народа к правде, справедливости, свободе, по его мнению, находит свое обобщенное выражение в религиозном мифотворчестве. Так, в повести «Моисей» библейский сюжет (блуждания древних евреев в пустыне в поисках «земли обетованной») был для Кондурушкина лишь формой выражения его публицистических тезисов. Поясняя проблематику своего «Моисея», автор 28 февраля/12 марта 1908 г. писал Горькому: «Невидимый Моисей жил в народной душе, вел народ по пустыне, а бородатый Моисей только воплощал собой эту идею, эту силу». Развивая далее свою мысль, Кондурушкин в письме от 4/17 сентября 1908 г. обращал внимание на сходство первых веков христианства с современной кризисной эпохой, когда «острее чувствуются недостатки человеческого строя жизни и сильнее охватывает тоска по новым берегам». Эта «тоска по новым берегам» сближала Кондурушкина с богоискателями, она же привела его в Петербургское религиозно-философское общество. В ноябре 1908 г. он слушает на заседании общества доклады А. А. Блока и Г. А. Баранова об «Исповеди» Горького, а в ноябре 1912 г. сам выступает с докладом «О народной вере». С богоискательскими настроениями Кондурушкина связан и его интерес к основателю религиозной секты трезвенников Ивану Чурикову и особенно к черносотенному иеромонаху Илиодору (Сергею Труфанову), который, по уверению Кондурушкина, «народен» потому, что, вступив в конфликт (неважно по какой причине) с церковными и гражданскими властями, якобы объективно выражал веру темного и забитого народа в идеальное самодержавие, не угнетающее, а благодетельствующее народ. Такая точка зрения на народ и перспективы русского освободительного движения была для Горького неприемлема. Однако его полемика с Кондурушкиным в 1908–1909 гг. осложнялась тогдашними богостроительскими взглядами Горького, которые не могли не наложить отпечатка на его рассуждения об индивидуализме и коллективизме. Споря с Горьким, Кондурушкин в свою очередь давал характеристики произведениям Горького «Лето», «Исповедь», «Городок Окуров». В них он ищет подтверждения своим упрекам в противоречиях и непоследовательности самого Горького-полемиста. В творчестве Кондурушкина усиливаются пессимистические ноты. Получив в августе 1908 г. от Кондурушкина рассказ «У дороги», в котором автор, по его признанию, «старался изобразить напряжение человеческого духа в борьбе с разединенностью людей», Горький отказывается печатать рассказ в сб. «Знания»: «Для нас пессимизм, скептицизм, мизантропизм и прочие болезни духа — преждевременны» (п. от 30 августа/12 сентября 1908 г.).

Став разъездным корреспондентом кадетской газеты «Речь», Кондурушкин совершает большие и длительные поездки по России — от западных ее губерний до Дальнего Востока. Обильные впечатления наблюдательного журналиста втискиваются им в узкую, по существу своему либерально-буржуазную, программу «культурничества», просвещения народа. Трагический конфликт поздней повести Кондурушкина «Монах» (1913) строится на том, что герой произведения — бывший монах, покинувший обитель и после долгого пребывания за монастырскими стенами возвращающийся в родную деревню, — подобно неузнанному библейскому Моисею, оказывается бесконечно далек тому темному, жестокому, корыстному и расчетливому миру, духовному прозрению которого он хотел посвятить свою жизнь. Имея в виду повесть Кондурушкина «Монах», Горький писал 23 мая/5 июня 1913 г. А. Н. Тихонову: «В V книге „Р(усского) б(огатства)“ статья Короленко „Турчин и мы“ — это как раз та оценка славянского характера, которая сложилась и у меня. Когда читал, то — местами — даже странно было: мои слова! Какой умный и зоркий человек, В(ладимир) Г(алактионович)! И так приятно читать его вещь среди разных Кондурашкихных»². Последним эпизодом полемики Кондурушкина с Горьким была его статья «Чужой ум»³, содержащая нападки на статью Горького «Две души», опубликованную в журнале «Летопись» (декабрь 1915 г.).

Кондурушкин скончался 9 января 1919 г. в Омске⁴.

Из 16 публикуемых писем и одной телеграммы Горького Кондурушкину ранее были опубликованы 7 (№ 4, 5, 8, 17, 22, 34 и 36; № 5 не полностью). Все известные нам 22 письма Кондурушкина печатаются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Короленко В. Г. Избр. письма. М., 1936. Т. 3. С. 190.

² Горьк. чт. 1959. С. 43.

³ Речь. 1916. № 120. 3 мая.

⁴ Кондурушкина Е. С. С. Кондурушкин: (Памяти мужа) // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 13—14.

1. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб. 9(22) января 1908 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

По словам К. П. Пятницкого, Вам посланы оттиски моих рассказов, каковые я предлагаю «Знанию» издать сборником¹. Могут быть две комбинации: 1) сборник всех рассказов — около 17½ журн. листов и 2) сборник одних рассказов с востока — около 12½ журн. листов. Последняя комбинация, по моему мнению, лучше.

Конечно, Алексей Максимович, мне важно решить вопрос возможно скорее. И не только потому, что мне нужны деньги: вопрос идет о литературной конфирмации, каковую мне было бы приятно совершить в той же церкви, к которой принадлежат мои славные литературные родители... Вы понимаете это и не откажитесь ускорить ответ.

Говорил я К. Петровичу и об иллюстрациях к сборнику рассказов с востока. Мне казалось, что это было бы кстати... На всякий случай предлагаю при сем Вам для сведения письмо художника Лансере по этому поводу².

С глубоким уважением

С. Кондурушкин

СПб. Вас(ильевский) Остр(ов), 10 л(иния), д. 9, кв. 5

¹ Кондурушкин начал переговоры с Пятницким об издании книги рассказов в «Знании» еще в 1907 г., но дело затягивалось. 23 декабря 1907 г. Кондурушкин направил Пятницкому письмо, в котором спрашивал: «В каком положении находится вопрос об издании моего сборника? Сообщите, пожалуйста» (АГ). Автор хотел выпустить книгу в «Знании» с иллюстрациями и в том же п. Пятницкому сообщал, что имеет соответствующие предложения от нескольких художников, в том числе от Е. Лансере и В. Нарбута.

² Евгений Евгеньевич Лансере (1875—1946) — график и живописец. Член «Мира искусства». Речь идет о п. Лансере Кондурушкину.

2. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

Капри. 16/29 января 1908 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Рад быть полезным для вас всем, чем могу. За работами вашими внимательно следил, чувствую в руке вашей большую силу, в сердце и в мысли здоровую бодрость, думаю, что вы должны написать большие вещи.

Рассказов ваших не получил, сегодня телеграфировал К(онстантину) П(етровичу), чтоб он не медля выслал их¹.

Получив — не замедлю ответом, а пока жму руку вашу.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ 16/29 января 1908 г. Горький телеграфировал Пятницкому: «Пришлите рассказы Кондурушкина. Пешков» (АГ) — и в тот же день написал ему: «Жду рассказов Кондурушкина, это интересный писатель, нам следует издать его, как вы думаете?» (Арх. Г. Т. IV. С. 227).

3. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 26 или 27 января/8 или 9 февраля 1908 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Рассказы ваши прочитал — предлагаю вам условиться с К^{онстантином} П^{етровичем} по делу об издании¹.

Очень советую — выкиньте из книжки рассказ «Наяву» — грубоват он у вас². Или выкиньте из него анекдот с последом, — это противно, но — не типично, даже — не характерно.

Вам следует прокорректировать хорошенько оттиски, — в них встречаются одни и те же примечания и много других небрежностей, читателю ненужных³.

Письмо Лансере возвращаю вам, может быть, понадобится⁴.

Рисунки — это хорошо бы!

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по помете адресата: «Получ^{ено} 1 фев^{раля} 1908 г.» Как можно заключить по почт. шт. на конвертах, письма между Капри и Петербургом находились в пути пять-шесть дней.

¹ Рассказы и очерки Кондурушкина, составившие цикл «Из скитаний по Сирии», печатались в 1901—1906 гг. в журн. «Русское богатство»: «Железная дорога к священному городу мусульманского мира» (1901, № 7), «Баядерка», «Акулина в Триполи», «Абу-Масуд», «Почтовый день в Гожайя», «Могилишки», «Узнал — узнал!» (1902, № 9), «Горе Халиля», «Ко-ко-ко», «Два минарета» (1902, № 12), «Хараба» (1904, № 5), «Из жизни современной Сирии» (1904, № 12), «Шагин-Хадля. Из жизни одного сирийского села» (1905, № 3), «Огаден» (1906, № 6). 26 января/8 февраля 1908 г., после получения оттисков произведений Кондурушкина, Горький писал Пятницкому: «Дорогой друг — на мой взгляд, Кондурушкина следует издать. Покуда он не бог весть как силен, но мне кажется, должен вырасти. Рассказы его открывают нечто новое, их этнографический интерес несомненен. Думаю, что книжка будет иметь успех. Написал ему письмо, прошу один рассказ — „Наяву“ — выкинуть и предлагаю говорить с вами об условиях издания» (Арх. Г. Т. IV. С. 229).

² Рассказ Кондурушкина «Наяву» впервые опубликован в журн. «Образование» (1907, № 8, отд. 1. С. 19—29). В ЦГАЛИ (ф. 231, оп. 1, ед. хр. 70) хранится черновой автограф этого рассказа, имеющий авторскую дату: «СПб., март 1907». Действие рассказа происходит в глухой чувашской деревне. Протест Горького вызвал содержащий грубые натуралистические подробности эпизод с удалением врачом из чрева рожицы мертвого ребенка. Рассказ «Наяву» вошел во второй том «Рассказов» Кондурушкина, выпущенный «Знанием» в 1910 г. Эпизод с «последом» в нем сохранен.

³ Это замечание Горького было учтено автором. Кроме того, Кондурушкин еще раз пересмотрел состав своей книги «Сирийские рассказы». 4/17 февраля 1908 г. он писал Пятницкому: «При сем 4 рассказа. Четвертый — „Англичанка“ еще не был у Вас. Я с удовольствием выкинул бы 3-й „Горе коймаками Наблуса“, а вместо него — „Англичанку“» (АГ). Желание автора было выполнено.

⁴ См. п. 1, прим. 2. 15/28 февраля 1908 г. в п. Пятницкому Кондурушкин напоминал, что Лансере ждет от «Знания» ответа, иллюстрировать ли ему книгу Кондурушкина (АГ). «Сирийские рассказы» вышли с иллюстрациями Лансере (п. 8, прим. 3).

4. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 27 или 28 января/9 или 10 февраля 1908 г.)

Дорогой мой Степан Семенович!

За письмо — спасибо¹, а уж если вы ко мне столь хорошо относитесь, — это дает мне право советовать вам, — не учительски, но дружески: подумайте над рассказом «Наяву»!

Может быть, я — ошибаюсь, но кажется мне, что эта вещь способна произвести не выгодное для вас впечатление своей как бы нарочитой грубостью. Уберите послед, оставьте голые кулаки — будет лучше!

В наши дни вновь разочаровавшаяся в силе народа интеллигенция тщательно ищет всюду фактов для обвинительного акта русскому мужику,

повинному в некультурности, зверстве всяческом и т. д. и т. п. — не давайте вы милым забавникам лишнего факта к их коллекции!²

Правда от этого не пострадает, она — всегда выше факта, — а обвинители в своем антидемократизме обойдутся и без вашей помощи.

Вы любите красоту, вы чувствуете ее тонко, умеете найти — вы можете и должны найти ее везде — и в рассказе «Наяву» — тоже!

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по пометке адресата: «Получ(ено) 2 февр(аля)».

¹ Упоминаемое п. Кондурушкина Горькому не разыскано.

² С протестом против клеветы буржуазной интеллигенции на народ Горький выступил в ст. «О цинизме», написанной им для французского журн. «Documents du progrès», где она была опубликована в мартовском номере за 1908 г. В России эта статья была напечатана раньше в сб. «Литературный распад» (I. СПб.: Зерно, 1908) (вышел в янв. 1908 г.). «Народ», — писал Горький, — низвели на степень орудия нашей жадности, ограбили силу его, исказили бессмертную душу — и теперь циники говорят: — Груб он и глуп, народ; жесток и развратен! Справедливо сказано, что в чужой стране каждый видит только то, что приносит в себе самом!» (XXIV, 13).

5. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 12/25 февраля 1908 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Вы пишете: «А м. б., получу от вас какие-либо советы»¹ — значит, даете мне право советовать; я вас искренне благодарю за это и — приступаю к делу.

«Моисей» — вещь интересная², на мой взгляд, но — вы должны и можете написать ее лучше, сильнее.

Для этого — мне кажется — нужно сделать ее короче: III-я глава necessarily длинна; Моисей часто говорит одно и то же; слова пророка коротки и крепки, как указывает нам библия.

В V-й главе длиннотами испорчена славная и трогательная фигура Махли. Мне думается — у вас достаточно и красок и знаний, вы можете не повторяться.

Обратите серьезное внимание на язык, — он небрежен и не сливается с темой, особенно в начале. Язык тут должен быть медный, гулкий, слова — просты и каждое — на своем месте.

У вас странным образом смешаны словечки местных наречий с чужими словами, в одном месте, напр., — «блескавица» из Рязанской и Орловской губерний³, а через слово, два от нее — «блик».

Такие слова, как «болобочет», «трепыхается», «дых», «дыхает», совершенно не уместны в этой работе. Слишком часто повторено слово «брекотанье», «брекочет». «Бутор» и «орало солнце» — грубо и не нужно. «Орало солнце» — и двусмысленно: может быть понято как — кричало и как — пахало землю. Следует — и нужно! — достигать музыкальности, неловко звучит в одном коротком периоде дважды «пере», дважды «щися». Шипящих и свистящих сочетаний можно, а в данном случае — следует — избегать.

Такса — продукт издевательства нашей «культуры» над животным; на мой взгляд — ей не место в вашем рассказе, как не место в нем граммофону. Такса явилась слишком недавно. Да не покажется все это мелочами вам, — дорогой мой, — в литературе не должно быть мелочей. Любя женщину — вы создаете человека, любя язык — поэта. В этой теме нужно быть поэтом, и я вас очень прошу — будьте внимательнее к языку, тогда вы, м. б., напишете крупную вещь. Ведь словами вы богаче, чем небрежностью.

Как индивидуальность вы, разумеется, должны были возвысить героя за счет силы и красоты народа, создателя его, — я не спорю с этим, ибо и сам долгое время пенял на зеркало, не замечая, что это моя рожа всячески крива. Но — вы поочередно употребляете два понятия, у вас действует то «народ», то — «толпа». Разделяя эти — разные психические феномены, — в одном я вижу коллектив, создавший всё — от Иеговы⁴ до Наполеона (в легенде о нем, а не в истории), — от Гомера до Уольта Уйтмана⁵, вижу в нем силу, способную творить чудеса, другую же считаю случайным сборищем индивидуальностей, лишенных ощущения внутренней связи, — не говоря о сознании — соединенных тем или иным временно вспыхнувшим интересом, а чаще — настроением.

Вы оперируете этими понятиями не ясно. Убивает соглядатаев — кто? Если их убивали за слабодушие — на мою мерку это должен был исполнить народ. Плюет на бороду Моисея — кто? Мне кажется это должна была сделать толпа. Народ — Махли, толпа — Фузи. Я не хочу вас убеждать в этом и отнюдь не намерен насиловать ваш опыт — моим. Я только указываю на то, что мне, *читателю*, показалось неясным.

В одном месте у вас сказано: «Шутовское величие, всегда понятнее сердцу толпы», — я этого не знаю, но, вероятно, — вы правы. Однако мне думается, что народ не склонен освящать «шутовское величие» своими легендами, — он создавал юродивых, Иванушек Дурачков, но это не шуты. На сем — кончаю, повторив, что ваша вещь — очень интересна, местами написана с большим подъемом и — она своевременна. Вообще мне кажется, что вы — талантливый и — надо быть — хороший, искренно любящий литературу человек.

Об этом красноречиво говорит ваше письмо.

Я усердно читаю «шкандаль-литературу», как вы ее называли⁶, «модерн», к(а)к называют другие. Весь этот кавардак честолубий, сомнений и голого стремления «урвать да удрать» иногда наводит некоторую тоску. Но — редко и ненадолго. Началось это — давно, еще в 90-х годах, со времен Вольтинского⁷. Все эти г. г. «идеалисты» — его детки. А мистики — анархисты, «неприемлющие мира», — взлелеяны на книжке француза Пюжо⁸, написанной довольно давно, но, видимо, недавно прочитанной нашими мудрецами. Они вообще не свежим товаром торгуют, все они. Бесспорно талантливый и до судорог холодный Брюсов — весь дан во французской литературе лет двадцати тому назад. Блок — не очень ловко перепевает Верлена, времен его мистических настроений⁹. В этом шуме — мало оригинального, лишь несколько фигур что-то обещают, напр., — Городецкий¹⁰, Тарасов¹¹.

История обожествления детородных органов — тоже не нова. Но — грубо же они, черти, обращаются с этими членами! Заметьте — если человек много говорит о своей смелости в делах пола — это несомненный импотент.

И во всем, что творится в дорогой и прекрасной литературе, — я вижу духовную импотенцию. Собственно говоря — это не в литературе, а где-то около ее. Общий процесс я бы назвал крахом индивидуализма, разрушением личности¹². На мой взгляд, Ан(тон) Пав(лович) был не прав, говоря о «здоровых мужиках»¹³. Нет, «мужики» не здоровы, все они сплошь — духовно больной народ, все. Их якобы мятеж и «искание последней свободы» — признаки полного отчаяния, предчувствие гибели и — ужас пред нею.

Мне кажется, видите ли, что социально психические силы, законы развития которых все еще так мало ведомы нами, — что эти силы ныне обнаруживают волю к слиянию во единую силу, что мир приближается к созданию некоего нового коллектива, и вся жизнь мира вступает в стадию напряженного творчества новых форм для своего развития. Начало этого возникающего вихря жизни — вихря творчества — ясно

ощутимо во всеобщей тревоге; индивидуальности с наиболее тонко развитой нервной системой ощущают лёт каких-то новых волн, а люди с повышенной чувствительностью ощущают эти волны сил тем более остро. В то же время они слишком поглощены так называемой «проблемой личного бытия» и органически не способны слиться с потоком, который закипает вокруг.

Вам, пожалуй, не ясно и утомительно все это? Кончаю. Рекомендовал бы вам в сборнике «Очерки философии марксизма»¹⁴ статью Базарова, в ней — стр. 60 и след. — есть интересная и глубокая мысль о объективном творчестве в искусстве. Вообще — это чудесная книга, хороша статья Луначарского об «Атеизме»¹⁵ и Богданова¹⁶ — крупнейшего из философов современности, как я думаю.

Всего доброго! Надеюсь — мои советы не задели вашего самолюбия? Поверьте, я очень уважаю людей и хотя иногда ругаю их, но — не учу. Сам учусь.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

¹ Цитированное Горьким п. Кондурушкина не разыскано.

² Об отправке Горькому на отзыв рукописи повести «Моисей» Кондурушкин известил Пятницкого 10/23 февраля 1908 г. Повесть была исправлена автором по замечаниям Горького и впервые напечатана в XXV сб. «Знания» (вышел в свет 12/25 дек. 1908 г.).

³ В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля это слово зарегистрировано как местное (смоленское и воронежское) и означающее — зарница, молния.

⁴ Одно из имен бога в иудаизме (наряду с Ягве и Саваофом).

⁵ Уолт Уитмен (1819—1892) — американский поэт. В ст. «Разрушение личности», впервые напечатанной в кн. «Очерки философии коллективизма» (Сб. 1. СПб.: Знание, 1909), Горький упомянул Уитмена в числе писателей (Р. Демель, Э. Верхарн, Г. Уэллс, А. Франс, М. Метерлинк, Г. Траубел), которые, «начав с индивидуализма и квиетизма, дружно переходят к социализму, к проповеди активности, все громко зовут человека к слиянию с человечеством» (XXIV, 48—49).

⁶ По-видимому, Горький ссылается на неизвестное нам письмо к нему Кондурушкина.

⁷ А. Волынский — псевдоним Акима Львовича Флексера (1863—1926), литературного критика и искусствоведа, одного из идеологов русского декадентства, с 1889 г. постоянного сотрудника журн. «Северный вестник» и позже его фактического руководителя. В 1890—1895 гг. Волынский выступил в «Северном вестнике» со статьями против революционно-демократической критики (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев), яростно обрушиваясь на материализм и «реалистический утилитаризм». Отдельное издание этих статей (Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896) встретило суровую отповедь автору в ст. Плеханова «Судьбы русской критики» (Новое слово, 1897. № 7). См. также книгу Волынского «Борьба за идеализм. Критические статьи» (СПб., 1900). Отношение Горького к Волынскому вначале было отрицательным. Не приемля статей Волынского, публиковавшихся в «Северном вестнике», Горький в фельетоне из цикла «Между прочим» (Самарская газета. 1895. № 153. 19 июля) отмечал, что в этом журнале «теперь засел и во всю мочь свищет малюсенький Соловей-разбойник господин Волынский...». Непродолжительное сближение Горького с Волынским в 1897—1898 гг., объясняющееся тем, что в это время Горький главное внимание уделил своей борьбе с легальными марксистами и сторонниками народнической доктрины, снова сменялось решительным отчуждением. 15—16/28—29 мая 1908 г., отказываясь переиздавать в «Знании» книгу Волынского «Леонардо да Винчи» (СПб., 1899), Горький писал Пятницкому: «Не люблю я эту лису. Его книга о „Русских критиках“ — все-таки плохая книга, говоря мягко. А „Книга великого гнева“ — просто подлая. В ней он, якобы устами Достоевского, поносит людей, коих можно уличать в ошибках, — но — нельзя не уважать. Антиреволюционная книга, как хотите. И я высказываюсь против Волынского в „Знании“. Заметьте еще: в сущности, это он является первой ласточкой возродившегося идеализма и романтизма, и он основоположник того направления, коему столь усердно служат ныне Минские, Мережковский и т. д. Это — его ученики, что б они ни говорили и как бы он ни отрекался от них» (Арх. Г. Т. IV. С. 251). П. Горького Волынскому 1896—1898 гг. см. в кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1975. С. 355—370.

⁸ Речь идет о кн.: *Pujo M. L'idealisme integral. Le règne de la grâce. P., 1894* (*Пюжо М. Интегральный идеализм. Царство благодати. Париж, 1894*). В книге, в частности, содержится характеристика Новалиса и Стефана Малларме.

⁹ Горький, очевидно, имеет в виду содержание первого сборника «Земля», вышедшего в «Московском книгоиздательстве» в 1908 г. В феврале 1908 г. Горький переслал этот сборник Е. П. Пешковой (*Арх. Г. Т. IX. С. 46*). Среди других произведений в этом сборнике напечатаны стихотворения А. Блока «Никто не скажет: я безумен...», С. Городецкого «Березка» и Е. Тарасова «Больные чуждым нам недугом». В Брюсов в первом сборнике «Земля» не печатался. Можно предположить, что Горький подразумевает опубликованный в «Весах» (1908, № 1) цикл стихов Брюсова «Обреченный», позже вошедший в книгу Брюсова «Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. III. Все напевы. 1906—1909» (М.: Скорпион, 1909).

¹⁰ Сергей Митрофанович *Городецкий* (1884—1967) — поэт, сотрудничал в изданиях символистов. Автор поэтических сборников «Ярь» (1907), «Перун» (1907), «Дикая воля» (1908). В декабре 1907 г. Горький предложил В. В. Вересаеву, согласившемуся редактировать литературно-публицистический сборник (организатором его была член московской организации большевиков Е. К. Малиновская), пригласить к участию в сборнике Городецкого, Е. М. Тарасова и А. С. Рославлева. См. п. Горького Вересаеву около 13/26 дек. 1907 г. // *Арх. Г. Т. VII. С. 62*. Издание сборника не осуществилось. 16/29 марта 1908 г. в п. к. Пятницкому Горький подтвердил получение от Пятницкого, в числе других книг, и сочинений Городецкого. См.: *Арх. Г. Т. IV. С. 239*.

¹¹ Евгений Михайлович *Тарасов* (1882—1944) — поэт, участник студенческого революционного движения. Подвергался арестам и ссылке. В 1905 г. как дружинник участвовал в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. Печатался в XII и XIV сб. «Знания» за 1906 г. Автор поэтических сборников: «Стихи. 1903—1905» (СПб., 1906) (по распоряжению Комитета по делам печати был уничтожен за «призыв к мятязническим и бунтовщицким деяниям») и «Земные дали. Вторая книга стихов» (СПб.: Шиповник, 1908). После выхода второй книги, неодобрительно встреченной критикой (см., напр.: *Чковский К. Третий сорт // Товарищ. 1907. № 443. 7 дек.*; Блок А. Литературные итоги 1907 года // *Собр. соч.*: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 229—230; первоначально: *Золотое руно. 1907. № 11/12. С. 97* и др.), Тарасов прервал свою литературную деятельность. После Октябрьской революции работал инженером-агрономом на Омской МТС, в Госплане СССР и Наркомате совхозов. См. его автобиографические заметки «Мы — предтечи» (Огонек. 1982. № 38. 18 сент. С. 21. Публикация Ник. Трифонова) и ст. Н. А. Трифонова «Недосказанная поэма. (Жизнь и творчество Евгения Тарасова в свете новых данных)» (Рус. лит. 1982. № 4. С. 181—192).

¹² Эти мысли Горький развил в своей ст. «Разрушение личности», первоначальный вариант которой, имевший подзаголовок «Очерки современной жизни и литературы», был написан им, очевидно, в январе—феврале 1908 г. и предназначался для газ. «Пролетарий» (см. п. Горького Ладыжникову от февр. (не позднее 10/23) 1908 г. // *Арх. Г. Т. VII. С. 176*). Высказавшись против напечатания статьи в «Пролетарии», В. И. Ленин в п. Горькому от 25 февраля 1908 г. писал: «...Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для „Пролетария“» (В. И. Ленин. Т. 47. С. 143). Имея в виду идеалистические философские взгляды А. Богданова и других эмпириокритиков, оказавших влияние на Горького, В. И. Ленин отмечал, что «„Пролетарий“ должен оставаться абсолютно нейтрален ко всякому нашему расхождению в философии». В. И. Ленин советовал Горькому статью переделать и «все, хоть косвенно связанное с богдановской философией, перенести в другое место» (Там же. С. 145). Около 10/23 марта 1908 г. Горький просил Ладыжникова не печатать ст. «Разрушение личности», так как намеревался ее расширить и поместить в сборнике, который он намечал выпустить совместно с Луначарским. В процессе дальнейшей работы над статьей Горький менял ее заглавие («От Прометеев до хулигана», «Личность и творчество»), но позже вернулся к прежнему. Впервые статья помещена в кн.: *Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Знание, 1909*.

¹³ Имеется в виду приведенный Буниным в воспоминаниях «О Чехове» отзыв Чехова о московских литераторах-декадентах: «Какие они декаденты, они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать...» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 224). Воспоминания впервые были напечатаны в III сб. «Знания» (1905).

¹⁴ Речь идет о философском сб. «Очерки по философии марксизма» (СПб.: Зерно, 1908). О высылке этого сборника Горький просил Ладыжникова в конце января (начале февр.) 1908 г. См.: *Арх. Г. Т. VII. С. 174*. В. Базарову принадлежала в сборнике ст. «Мистицизм и реализм нашего времени» (с. 3—71). Сборник в целом и статья Базарова в частности подвергнуты критике В. И. Лениным в кн.: «Материализм и эмпириокритицизм» (М.: Звено, 1909).

¹⁵ Имеется в виду ст. Луначарского «Атеизм» (см. указ. сб. С. 107—161).

¹⁶ Богданову в указанном сборнике принадлежала ст. «Страна идолов и философия марксизма» (С. 215—242).

6. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
28 февраля (12 марта) 1908 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Искренне благодарю Вас за советы. Большинством из них я уже воспользовался, и не только потому, что доверяю Вашему художественному чутью, а потому, что они меня убедили. Со времени получения Вашего письма вот уже две недели я «не схожу с Моисея» и даже во сне. Разговор Моисея со старшинами — сократил. Всю X главу, — разговор Моисея с Навином, — переделал. Незаконченное окончил. Еще неделя, другая — и мой Моисей будет закончен. И только теперь, перечитав десятки раз письмо Ваше, я понял то, чего сторяча не заметил: Вы не сказали ничего определенного относительно напечатания его «Знанием». Был вчера у К<онстантина> П<етровича>, думал, что Вы ему написали, ни да, ни нет. Оказывается, он ничего не имеет от Вас. Потому прошу Вас, скажите мне определенно, желаете ли Вы иметь «Моисея» для «Знания».

Я сказал, что воспользовался *большинством* Ваших советов. Ибо, действительно, два из них меня не убеждают. Это, во-1-х, тот, где Вы говорите, что главу о Махли (с Фузи) надо сократить. Вы указываете мне на лишние ногти и говорите, что их надо остричь. Пробую — режу палец. Не знаю, где ногти. Не могу отрезать пальца. Значит, так тому и быть. Во-2-х, там, где Вы говорите по поводу моего «индивидуализма». Я, как, вероятно, и Вы, полагаю, что индивидуальность велика лишь там, где она угадывает глубокие потребности народной жизни и души и тем расчищает путь народу — богу. У меня и в повести тоже: было время, когда никто не видел в человеке — Моисея, а он, невидимый Моисей, светился у всех в глазах, жил в каждом доме, управлял помыслами... И только потом явился видимый Моисей... Все его узнали, увидели. Невидимый Моисей жил в народной душе, вел народ по пустыне, а бородатый Моисей только воплощал собой эту идею, эту силу. Но вот иссяк невидимый Моисей в душе народа. Бессилен и бородатый Моисей... Простерлось в пустыне народное тело и лежит без движения. Бородатый Моисей снова раньше других понял это. И в этом снова его величие. Он увел народ в пустыню, но веру в этот же народ не потерял. Да и нельзя не верить в народ — он бессмертен.

Вы пишете: «Махли — народ. Фузи — толпа. Убивает соглядатаев за малодушие — народ. Плюет в бороду Моисея — толпа...»¹

Боже мой, если бы мы не знали, что и народ (т. е. большинство; иначе трудно оперировать с этим словом в социологии) тоже плюет в бороду Моисею! Ведь если бы этого *никогда* не было, мы не знали бы *никакого* рабства. Разве вся наша жизнь русская, французская, немецкая... не есть надругательство над нашим Моисеем, Моисеем человечества, о котором (Моисее) Вы же сами говорите, что он дышит над миром.

Да, эти вихри неведомых нам сил крутят над человечеством, и крутят давно. Они и в древности затягивали в свои воронки целые народы. Они проносились над всем человечеством и будили мысли, чувства. Но еще ни разу не закрутили всего человечества. И народы, отряхнувшись от переполоха, плевали вослед улетающим вихрям и заклинали: «Чур меня, чур меня!» и снова засыпали.

Плевали, плюют и еще, к сожалению, будут плевать. Ничего не поделаешь. И не ради слова поведет Моисей в пустыню свой народ, в пустыню великих испытаний и лишений.

Но мы придем в обетованную землю, придем! Мы — народ, а не лица.

Будьте здоровы. Скоро ли Вы будете в состоянии жить снова в России? Ах, как это жалко, что Вы там, а не здесь.

С уважением и искренней любовью.

С. Кондурушкин

¹ Кондурушкин не цитирует, а излагает содержание письма к нему Горького. См. п. 5.

7. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 7/20 марта 1908 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Я, — казалось мне, — совершенно определенно высказался о Моисее, как о вещи — на мой взгляд — значительной и т. д.; вопроса о помещении его в сборнике предо мной — не стояло¹.

Конечно — да и я искренно рад, что вы начинаете ваше сотрудничество в «Знании» этой вещью. Не считайте меня, ради всех богов, унтер-офицером в литературе, «редактором», «хозяином» и т. д. — зря обидите человека, к^(ото)рый литературу эту искренно и глубоко любит даже и тогда, когда многое в ней и враждебно и противно ему! Да, даже и тогда. Само собою разумеется, что в Брюсовых, Блоках, Ивановых и т. д. много прямо-таки чуждо мне, но — не слеп и не могу не видеть у них красоты, всем нам нужной, для всех — ценной, дорогой, редкой. О, черти, как хорошо они могли бы говорить, если б не болели этой изнуряющей болезнью — гипертрофией «я»!

Отсюда — прямой переход к вашему утверждению: «...ведь если бы этого *никогда* не было, мы не знали бы *никакого* рабства», — речь идет о плевках в бороду Моисея.

Утверждения сего не принимаю. Во-первых — кто это «мы»? Не знаю такого коллектива. Во-вторых: если б он, этот коллектив, существовал — он опирался бы на чье-то рабство. А в-третьих, — мне кажется, настало уже время, когда взгляд на психику не только народа, но и толпы должен быть радикально изменен. Психология толпы — оклеветана г. г. Тардами², *Curens e tutti quanti* * — для меня несомненно.

Народ и толпа — два совершенно различные коллектива: один слагается исторически и находится в постоянном и непрерывном процессе химического, т. е. — психофизического изменения; другой — явление случайное, создающееся под влиянием того или иного настроения, того или иного временно возникшего интереса, общего всем «я», из коих слагается феномен — толпа. «Большинство» — не в народе страшно, а среди культурного мещанства, в народе — пассивном, по силе внешних давлений «большинства» не опасно в той мере, в какой оно опасно среди мещанства, всегда *активно* консервативного, что мы видим с особенной яркостью в наши дни.

Но — сие разногласие наше не может быть выяснено в письмах; вероятно, мы с вами когда-нибудь увидимся и — поспорим.

А пока — желаю вам всего доброго, главное же — бодрости духа!

Крепко жму руку вашу.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

На письме пометка адресата: «Получ(ено) 12 марта 1908 г.»

¹ 25 февраля / 9 марта 1908 г. Пятницкий писал Горькому: «Кондурушкин спрашивает, принимаете ли Вы для сборника его „Моисей“ (АГ). «Вопрос Кондурушкина — не понимаю, — ответил Горький Пятницкому 4—5/17—18 марта 1908 г., — написав ему длинное письмо, я указал на необходимость поправок в стиле рассказа, — он обиделся, что ли? Напишу ему сейчас же письмо. Рассказ его считайте

* Куренс и все им подобные (ит.).

принятым» (Арх. Г. Т. IV. С. 235). Кондурушкин в свою очередь, получив письмо от Горького, поторопился ознакомить с его содержанием Пятницкого. 12/25 марта 1908 г. Кондурушкин писал ему: «Прилагаю при этом письмо Алексея Максимовича. М(ожет) б(ыть), Вы еще не получили от него ответа на вопрос об моем „Моисее“. Письма, как то, так и это, прошу сохранить. В субботу я, вероятно, буду у Вас, чтобы переговорить» (АГ).

² Габриэль Тард (1843—1904) — французский социолог и психолог, уделявший главное внимание изучению вопросов коллективной психологии. Некоторые его работы переведены на русский язык: «Законы подражания» (СПб., 1892), «Социальная логика» (1901), «Социальные этюды. Социальные законы. Толпа и публика. Преступность толпы. Трансформация власти» (СПб., б. г.), «Личность и толпа. Очерки по социальной психологии» (СПб., 1903) и др.

8. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

«Капри. 15 или 16/28 или 29 мая 1908 г.»

С. Кондурушкину

Спасибо за книжку¹, рад ее видеть, — и спасибо за надпись. Доверяя, помогая друг другу, мы можем много сделать, верю! Хотел бы я, чтоб вы познакомились с Гусевым-Оренбургским, а также написали бы мне о его рассказе «Один», когда онный рассказ выйдет².

Скоро ли «Моисей» буду читать?

А Лансере — подвел вас: рисунки плоховаты. Колонна на первом — просто-таки безграмотна, хотя нижняя часть ее и засыпана песком, — как надо думать, — но все ж таки она не гармонична. И во всех рисунках — нечто ленивое, ремесленное. Обложка — недурна еще³.

Что делаете? Вам надо писать. Больше. Как встречают книгу? Где у вас рассказ об «Афоне», напечатанный в «Р(усском) б(огатстве)»?⁴ Нет ли оттиска? Пришлите. Я его читал, но позабыл одно место и хотел бы восстановить в памяти.

А засим — крепко жму руку вашу. Силы ей!

А вам — бодрости духа.

Привет.

А. Пешков

Датируется по п. Горького Пятницкому от 15—16/28—29 мая 1908 г.: «Передай-те прилагаемую записочку Кондурушкину» (Арх. Г. Т. IV. С. 250), а также по ответному п. Кондурушкина Горькому от 17/30 июля 1908 г.: «Получил от него Вапу записку на мое имя еще с мая месяца».

¹ Кондурушкин С. С. Сирийские рассказы / Рис. Е. Лансере. СПб.: Знание. Книга вышла в свет 2/15 мая 1908 г. Содержание книги составили следующие произведения: «Хараба», «Единственная неприятность», «Англичанка», «Шагин-Хадля», «Баядерка», «Акулина в Триполи», «Абу-Масуд», «Могильник», «Узнал, узнал!», «Горе Халиля», «Ко-ко-ко», «Два минарета», «На рубеже пустыни». В ЛБГ этого издания нет. См. также п. 3, прим. 1.

² Речь идет о повести Гусева-Оренбургского «Сказки земли», опубликованной в ХХIII сб. «Знания» (вышел 21 июня / 4 июля 1908 г.). В марте, после 23 / апреля, после 5, 1908 г. Горький, сообщив Е. П. Пешковой о приезде Гусева-Оренбургского на Капри, писал: «Его рассказ — хорош как тема, а исполнение могло бы быть не так вычурно. Все попадают в этот приподнятый стиль, мне кажется, что это нечто вроде детской болезни, право! Но — Гусев, полагаю, пройдет сквозь это не без пользы для себя, тогда как другие на этом свихнут себе мозги» (Арх. Г. Т. IX. С. 49).

³ Лансере для «Сирийских рассказов» выполнил рисунок обложки и заставки и два оригинальных рисунка, помещенных на вкладных листах. На одном («В пустыне») изображены развалины полузасыпанного песком античного храма. На другом («Гермон») — группа сирийцев на лошадях на фоне гор.

⁴ Имеется в виду рассказ Кондурушкина «В сетях дьявола», впервые напечатанный в «Русском богатстве» (1907, № 1). Оттиск рассказа Кондурушкин выслал Горькому с п. от 17/30 июля 1908 г.

9. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 4/17 июня 1908 г.)

Жду на Капри. Оба с женой¹ будем сердечно вам рады.

Pechkoff

Датируется по телеграфному бланку. Адрес написан по-французски: Monsieur Kondourouchkin Montreux poste restante Suisse.

Русский текст латинскими буквами.

Ответ на неразысканные письмо или телеграмму Кондурушкина.

¹ Мария Федоровна Андреева.

Во время своего пребывания на Капри с 12/25 по 17/30 июня 1908 г. Кондурушкин делал записи в записной книжке. См. приложение.

10. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

Арона. (20 июня) 3 июля 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Собираясь переступить границу милой Италии, шлю всем Вам привет. Долго я думал, чего-то у Вас на Капри не хватает. Теперь догадался. Пью чай в Ароне и понял, что у Вас не хватает *самовара*. Буду уговаривать Пятницкого, чтобы он ехал к Вам с самоваром. Поверьте патриоту, нельзя Вам без самовара. А летать по воздуху будет много лучше, чем теперь по железной дороге: неграм оно ничего, а белым — неприятно.

Ну, будьте здоровы. Всего, всего лучшего.

Ваш С. Кондурушкин

11. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

Рапти.
17(30) июля 1908

Дорогой Алексей Максимович!

Если бы я был публицистом, то написал бы теперь великолепную статью о Горьком. Я бы ему доказал с текстами в руках, что он — все тот же самый Горький с начала и до настоящего момента своих писаний, и это только ему кажется, что он раньше был индивидуалистом, а теперь стал коллективистом; раньше пессимистом, а теперь — оптимистом и т. д. Вся разница лишь в том, что Горький настоящий сменил форму художественного мышления. А формой художественного мышления в качестве публициста я назвал бы тот человеческий быт (в широким смысле), который художнику хорошо известен. Например: Тургенев весь вокруг помещичьей усадьбы; Толстой — в великосветских салонах, даже тогда, когда пишет «и хорошо пишет» о солдатах, мужиках; Достоевский — около разночинца, а Горький — на «дне» человеческой жизни, с «босьями». И для каждого художника есть своя наиболее удачная, наиболее выразительная форма художественного мышления. И т. д., и т. д.

Но так как я не публицист, не Кранихфельд¹ (как индусы ежедневно молятся: благодарю тебя, боже, что я не женщина!..²), это между прочим, то «порхать по садам российской словесности»³ с легкостью мотылька не могу. И теперь уже чувствую, что вместе с той правдой своей, которую хотел сказать, я сказал и какую-то ложь.

Был я на днях у Чулкова⁴. Разговор был о Вас в связи со статьей Чулкова в «Речи»: «Правда о Горьком». На мой взгляд, в его статье есть несомненные достоинства. Например: справедливо отметил он, что Горький — один из самых верующих современных писателей. Но втроем мы (я, Блок и В. В. Розанов) осуждали у Чулкова неко-

торые места фельетона. Между прочим, и Блоку и Розанову, как и мне, глубоко трогательной кажется сцена с монахиней. Чулков этого не понимает, как, по-видимому, трудно понять ему и многое другое в жизни и литературе. Уж очень он весь выдуманный: и слова его, и мысли его, и поэзия его, и все миросозерцание его. Единственное, что у него не выдуманно, это жена его: пухлая, красивая, даже с усами.

Жил я в П(етербур)ге десять дней, менял квартиру и устраивал всякие хозяйственные дела. Собственно, это не дела, а зубная боль. Теперь успокоился и могу месяц жить на даче. Это — деревня Рапти, 10 верст от Луги. Кругом леса и высокая рожь. Поют петухи, и лают собаки. Хочу написать.

Был у К. П. Пятницкого. Передал Вашу записку⁵. Он был болен, однако собирался с Новорусским⁶ лететь на воздушном шаре за 3 рубля. Летал ли, не знаю.

Получил от него Вашу записку на мое имя еще с мая месяца. Одновременно с сим посылаю отпечаток «В сетях дьявола». Отвечаю и на вопрос Ваш об «Один» Гусева-Оренбургского. Весьма красиво и сильно написано все до перелома в душе священника. Остальное неубедительно, т. е. нехудожественно. С этого момента в рассказе «Один» нет жизни и человека, а есть риторика на тему о новой морали. Одно слово человека никогда не может перелицевать человеческую душу. Одно слово может только закончить длинный процесс духовного развития. Значит, в этот-то процесс и надо ввести так или иначе читателя. А Гусев этого не сделал. Вон и у Толстого тоже Левин все умирать собирался. А сказал ему мужик одно слово, и запрыгал Левин, как молодой козленок. С одного-то слова?! Стыдно! Слово по евангельской притче, чтобы произрасти и принести плод, должно упасть на добрую почву⁷. Так почву нам и покажите, Гусев, почву.

Кроме того, у Гусева в этом рассказе особая манера письма. Кажется, что образы вырисовываются за какой-то сеткой, вуалью, проступают сквозь красивую паутину слов неясно. Конечно, это уменьшает их цену. Некрасивые мусульманки всегда охотно носят покрывало. Из-под него они кажутся красивее. Так же поступают и многие из безталантных «декадентов» и по той же самой причине, как и мусульманки. Нужно ли это Гусеву? Нет. Он и без вуали красив.

Павла Алеппского в П(етербур)ге не нашел⁸. Заказал выписать из Москвы. Если будет — в конце августа пришлю Вам.

Жена моя очень тронута подарком Вашим⁹. Очень благодарит. Когда она увидела меня по приезде, то одним из первых ее вопросов был: «Это ты таким лохматым и у Горького был?» Осуждает. Известно — женщина. Хотя, правду сказать, я был излишне и необычно волосат.

Чувствую, что ленива моя летняя мысль и пусты праздные слова. А потому кончаю письмо. Жду фотограф(ических) снимков. Слышал я, что умер у Луначарского ребенок¹⁰. Очень пожалел.

С «Моисеем» здесь неопределенно. Он еще не набирается, а я очень рассчитывал его усердно прокорректировать летом под шум леса.

Закончу письмо просьбой: напишите что-нибудь из Капри, моря и гротов. Непременно же напишите, к осени в печать.

Будьте здоровы. Привет Марии Федоровне и всем.

Мне все кажется, что Зина схватил свою судьбу за глотку и посадил ее в карман своих штанов¹¹.

Ваш С. Кондурушкин

Мой адрес в П(етербур)ге: Вас(ильевский) Остр(ов), 6 л(иния). 27, кв(артира) 24.

А здесь: СПб-я губ(ерния). г. Луга, дер(евня) Рапти

¹ Кондурушкин, по-видимому, имеет в виду ст. Кранихфельда о Горьком: «М. Горький и его американские очерки» (Современный мир. 1906. № 11), «Современные искания в области критики, театра и драмы» (Там же. 1907. № 2), «„Мать“ Горького» (Там же. 1907. № 11), «Литературные отклики» (Там же. 1908. № 7).

² Из утренней молитвы верующего еврея.

³ Ироническое переименование известной ст. Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности», впервые опубликованной в журн. «Русское слово» (1865, кн. 3).

⁴ Кондурушкин имеет в виду ст. Чулкова «Правда Максима Горького», напечатанную в газ. «Речь» (1908, № 162, 9 июня). В статье положительно оценивается повесть Горького «Исповедь».

⁵ См. п. 8.

⁶ Михаил Васильевич Новорусский (1861—1925) — народоволец, участник покушения 1 марта 1887 г. на Александра III. Был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, где находился с 1887 до освобождения в 1903 г. Воспоминания Новорусского «В Шлиссельбурге» помещены в XII сб. «Знания» (1906).

⁷ Евангелие от Матфея. Гл. 13, ст. 9.

⁸ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 1—5. М.: Изд. имп. О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1896—1900 (ЛБГ, Описание).

⁹ О чем идет речь, установить не удалось.

¹⁰ О смерти на Капри сына Луначарского — «крестника» Горького см. п. Горького около 24 июня/7 июля 1908 г. Пятницкому (Арх. Г. Т. IV. С. 257) и Е. П. Пешковой (Арх. Г. Т. IX. С. 51). См. также п. Луначарского Горькому после 16/29 мая 1908 г. (Арх. Г. Т. XIV. С. 40). Анатолий Луначарский родился 9/22 декабря 1907 г. и скончался в июне 1908 г.

¹¹ С З. А. Пешковым Кондурушкин познакомился у Горького на Капри.

12. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

«Капри. 27 июля/9 августа 1908 г.»

Мой дорогой Семен Степанович, — поистине — я рад, что вы не публицист, — будь так — вы написали бы статью плохую, клянусь именем бога Кукуруздама, бога, о к^ото^ром сам Бальмонт ничего не знает, хотя — как это видно из «Зовов древности»¹ — он знает всех богов — по именам. Вы, утверждаю, написали бы статью плохую, ибо — нечто не понято вами в моих словах о коллективизме и индивидуализме. Поверьте — знаю: негр не может превратиться в белого, хотя бы он и умывался трижды в день лучшим мылом, — индивидуалист останется таковым до конца дней, хотя бы и понимал творческую силу коллективного начала. Понять — еще не значит — почувствовать, между миро-созерцанием и мироощущением есть некая преграда, разность — и нам, индивидуалистам до последней клетки мозга, преграду эту трудно уничтожить. Мы чувствуем мир своим, но — не ощущаем его в себе самих цельно и во всем изумительном многообразии и — жалкая публика! — сокращая, сжимая мир до тех ничтожных размеров, в каких он может помещаться в узком, не глубоком чувствилище нашем — грабим и обедняем мы самих себя, искажая чудесную действительность. А она — все быстрее развертывается, и она становится все чудесней, значительней. Конечно, я не о младотурках думаю, говоря так, но — если хотите — и младотурки любопытнейшая частность общего процесса, недурное доказательство общего ускорения темпа жизни².

Пишете вы о Чулкове — вот индивидуальность. И даже — символически, так сказать. Крошка, обломок человека, убийственно бездарное, угловатое существо. Я его давно знаю, он начинал свои посягательства на изнасилование литературы русской на моих глазах, несчастный импотент. Не выношу таких! Понимаю, конечно, что это воистину несчастные люди, способные искренно визжать от боли одиночества и навсегда лишённые способности любить жизнь, людей, мир — всё!

А вот Розанов — это умница³. Философии его не принимаю, но ум, талант — ценю высоко.

И мое письмо, как водится, — летнее, так что напрасно каялись в этом по поводу вашего, милейшего послания. А с Гусевым вы познакомьтесь — это глубокое существо. Как некий омут.

Супруге вашей — привет⁴. Надо бы ей однажды поколотить вас усердно, дабы позабыли вы разные индусские и иные молитвословия, неуместные в семейном быту православного христианина. Кстати: разве «благодарю тебя, Боже, за то, что ты не создал меня женщиной» — индусская молитва? Она имеется и у евреев. Вам не известно — кто у кого позаимствовался. Неужто — самостоятельно пришли.

А Пятницкому бы — сюда лететь. Да не на воздушном шаре, а более привычным способом. Жду его лет шестьсот.

Крепко жму руку. Всего доброго.

Желаю вам хорошо пописать.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

¹ Книга К. Д. Бальмонта «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» (СПб., 1908). О желании иметь эту книгу Горький писал Пятницкому 15—16/28—29 мая 1908 г. (Арх. Г. Т. IV. С. 251).

² Младотурки — члены турецкой буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 г. В ночь на 23 июля 1908 г. руководимые офицерами-младотурками турецкие воинские части, дислоцированные в Македонии, предъявили ультиматум султану Абдул-Хамиду II, в котором требовали созыва парламента и восстановления действия конституции 1876 г. 24 июля 1908 г. султан удовлетворил требования ультиматума. Младотурецкая революция свергла тиранический режим Абдул-Хамида II и установила конституционную монархию, не изменившую феодального строя Османской империи.

³ Причину своего пристального внимания к сочинениям Розанова Горький объяснил в п. к М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г.: «Интереснейший и почти гениальный человек был он. Я с ним не встречался, но переписывался одно время и очень любил читать его противопожарную литературу (...) Он, у нас, был первым предвозвестником кризиса гуманизма...» (ЛН. Т. 70. С. 346).

⁴ Елизавета Васильевна Кондурушкина.

13. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
22 августа (4 сентября) 1908 г.

Милый Алексей Максимыч!

Послал я Вам книжки Павла Алеппского¹. И очень рад, что мог это сделать.

Посылаю Вам вместе с этим письмом рукопись статьи «У дороги», где я старался изобразить напряжение человеческого духа в борьбе с разьединенностью людей. Напишите скорее, как Вам понравится. Больше ни о чем писать не в состоянии. Будьте здоровы. Привет всем.

Ваш С. Кондурушкин

Живу в П(етербур)ге. Адрес мой Вас(ильевский) Остр(ов). 6 л(и-ния), д. 27, кв. 24

¹ См. п. 11, прим. 8.

14. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 30 августа/12 сентября 1908 г.)

Дорогой мой друг —

рассказ ваш, на мой взгляд, очень плох — когда я его прочитал, мне стало грустно и неприятно.

Зачем вам, демократу по крови, здоровому человеку, зачем вам нужно ставить себя в один ряд с нищими духом, жалкими и больными

страхом жизни людьми? Не понимаю этого. Откуда у вас этот мизантропизм — извините меня! — затасканный, скучный и смешной? Неужели вы полагаете, вместе с современными модернистами, что литература — место свалки мусора случайных настроений личности, — капризного и нервного человека наших постыдных дней?

Вы пишете: «хотел изобразить напряжение человеческого духа в борьбе с разъединенностью людей». Это у вас не вышло, и получилась скучная дидактика, да еще и дурно сказанная. Простите меня — рано вам ставить себя над людьми. Лучше же никогда не делать этого. Вы — простой, хороший, русский человек. Нам, русским, рановато да и смешно жаловаться на наш народ — а жизнь иных народов — мало нам ведома. Для нас пессимизм, скептицизм, мизантропия и прочие болезни духа — преждевременны, и когда я их встречаю в литературе, я говорю себе: это плохое подражание европейцу, это выдуманно.

И ваши «Видения жизни» — выдуманы на скорую руку. В этом рассказе вы стоите мужичком, впервые надевшим перчатки и цилиндр, но — еще в лаптях.

Еще раз — извините за отзыв. Я очень люблю вас, я не хочу вас задеть, но — литературу я люблю более, чем вас, и, видя что выстаете на дорогу шаблона, — горюю.

Всего доброго!

А. Пешков

Рассказ — при сем.

Датируется по ответному п. Кондурушкина от 4/17 сентября 1908 г.

15. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

4(17) сентября 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил ваше письмо — отзыв о рассказе «У дороги».

Рассказ художественно плох — так тому и быть. Конечно, мне тяжела эта неудача. Душа моя страдает смертельно. Валится из рук перо, и скверно жить. Сплю (как в рассказе моем), точно проваливаясь в черную могилу, полную тяжелых, смутных видений и кошмаров.

Но все-таки хочу с вами спорить. Конечно, не для того, чтобы защищать рассказ, а самому защититься. Да и на душе полегче будет.

Вы говорите, что я поставил себя над людьми, надел перчатки и цилиндр...

Это не вытекает из рассказа. В себе я чувствую рабьего больше, чем в ком-либо другом. И свою шею вытянутой и мозолистой больше, чем рабочего и мужика. Над людьми стою не я, а их же собственные идеалы, искания и влечения. И горько, и обидно корят они нашу обыденную жизнь.

Вы спрашиваете: откуда у меня этот «мизантропизм»? (Опять-таки этого не вытекает из рассказа. Трижды там человек болеет от неудач, радуется и негодует, ищет способов, дороги к человеческой душе. Разве это — человеконенавистничество?) Мизантропизма нет. Но посмотрите кругом. Разве произведения искусства не употребляют для целей низменных? Разве ими не щекочут себе половые органы свиноподобные люди? Разве нет художников (как в рассказе моем «пригрезил художник»), которые учат тому же народ? * Разве «Не убий» евангельской проповеди — это ясное и светлое слово — «не убий», преломляясь в человеческих сознаниях, не превращается в «убей»? Разве

* Возьмем хотя бы и русскую литературу.

мужик и рабочий, поп и кузнец не скажет вам — японца убить можно?! Не мизантропизм водил моим пером, когда я писал свой этот несчастный рассказ, а ужас от сознания разлада между идеалами и действительной жизнью. Стоял я в Лувре перед старыми мраморами. И вдруг особенно остро и больно почувствовал этот разлад между идеалами и действительностью. Огненная, не выразимая словами мысль пронизала мое существо, осветила бездну человеческого прошлого и темноту будущего на одно только острое мгновение. И мне стало страшно, воистину страшно. Вероятно, это чувство, эта мысль уже более не повторятся, даже если я снова пойду к Милосской Венере, но в этот раз ужас разлада я почувствовал. Я знал о нем и раньше. Много слов читал и сам произносил, но почувствовал во всю глубину однажды. И вот этот ужас я и хотел изобразить. Повторяю, вероятно, я изобразил плохо, ибо вас не ужаснул, но ни к чему здесь разговор о мизантропизме и о том, что я поставил себя над людьми. Человечество само своими идеалами плюет в глаза своей обиденной жизни. Не имел ли на это права мой молчаливник, испугавшийся слова человеческого?

Вы говорите, что «русским рано да и смешно жаловаться на наш народ».

Моя тема проходит мимо национальных различий. Она в сфере общечеловеческого. Но уж если о русских речь, то ведь я тоже русский. И никак себя от этого тела отделить не могу. А знаете ли вы, что иногда в жизни народа наступает период самооплевания, самоуничтожения, самостизания? Толстой разве не плюнул себе в лицо, сказав: «и я виноват в казнях»? Поездите по России. Мужик, задумчиво теребя бороду, говорит вам: «Знамо дело, свиньи мы, бараны!» Рабочий надтреснутым голосом, стуча кулаком по вагонному столику, скрипит мне в лицо: «Рабы мы, рабы!» И боишься, что он вот-вот заплачет от стыда и злобы... И если в газетах и журналах изредка и слышишь прежний барабанный бой: «народ, народ, о, народ!», так опять это по инерции. Это люди, которые «стоят на страже», «на посту», поддерживают настроение, но сами с грустью сознают, что все это слова, слова. Уж если сами себя люди не щадят, так заботы других об их достоинстве — выдумка.

Но верю я, не бесплодно это самоуничтожение, самооплевание. В ярой тоске и злобе сгорает старый мир. Кто говорит: «я раб», тот уже не совсем раб.

И это настроение не случайно, как говорите вы. Нет, к сожалению, тут нет случая личности, «капризного и первого человека наших дней». В истории каждого народа мы знаем периоды такой тоски. И, на мой взгляд, свята эта тоска и лучше она самодовольного спокойствия, уверенности, что всё образуется и наладится к лучшему. Свята именно потому, что через нее-то всё и должно «образоваться» и «наладиться» к лучшему. В ней-то и очищают свой гений целые народы.

Но эти все рассуждения от ума. А непосредственно одно воспринимаю я из русской жизни как истину: тоскует русский народ до верху. И в лицо себе плюет, и бьет себя не жалея. В нашем художественном творчестве тоже много этой тоски. Например, «Исповедь». И плевков есть всё в рыло тому же русскому да и всякому другому христианскому народу. За человечеством тысячелетия этой рабской жизни: страхи перед небом и землей, привычка к палочным ударам и ярму, привычка до того, что палка и ярмо считаются благом. Ведь все эти ваши молчаливники, затворники, пьяницы и прелюбодеи, лжецы и воры-святоши — все они ужасны. Это рабство тела и духа. Но оно не только в монастырях. Оно и в деревнях, и в городах. Разница в степени есть, конечно, но все же удар по монахам должен почувствовать на себе и мужик и рабочий, ибо этот удар по старому смыслу жизни, по язвинам всего человечества. Но тогда почему же я слышу от вас категорическое: «Для нас пессимизм и прочие

болезни духа преждевременны? Какой пессимизм! Кто не хочет жить, тот перестает жить. Кто кричит — скверно живем!, тот хочет жить лучше.

И, еще буду спорить о подражательности. Вы называете этот самый «пессимизм» подражанием европейцу, выдумкой. Из всего предыдущего, по-моему, явствует, что тут не может быть речи ни о каком подражании. Явление это — общерусское, а в некоторых чертах и общечеловеческое. Мне кажется, все человечество переживает эпоху знаменательную, о которой потом будут говорить, как теперь говорят о первых веках христианства: «Древний языческий мир умирал». Умирает христианский мир, умирают миросозерцания христианское, буддийское, магометанское и иные, разные по названиям, единые по сущности. А в такие эпохи острее чувствуются недостатки человеческого строя жизни и сильнее охватывает тоска по новым берегам. Что касается лично меня, то скажу лишь, что от подражаний не болит душа. Подражание и шаблон спокоен, а мне тяжело, страшно тяжело. В старых богов не верю, нового нет. Не оставляйте меня в эти трудные... говорят обыкновенно — минуты, но это не минуты: недели, месяцы, мо^{жет} б^{ыть}, годы. Будьте здоровы. Пришлите, пожалуйста, обещанную фотографию свою и напишите на ней что-нибудь. Пришлите, если можно, снимки «ноева позорища»¹ и другие того дня, когда мы так хорошо спали на теплых камнях около прекрасного моря. Хорошими вспоминаю я эти шесть дней на Капри. И спокоен за дело.

С. Кондурушкин
(Степан Семенович для конвертов)

Новое жительство мое: В^{асильевский} О^{стров}, 6 л^{иния}, 27, кв. 24

¹ См. наст. изд. С. 991.

16. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 22 сентября/5 октября 1908 г.)

<...> * Вы отвечаете: «Это не вытекает из рассказа. В себе я чувствую больше рабочего, чем в ком-либо другом, и шею свою вытянутой и мозолистой больше, чем шею рабочего и мужика».

В это «больше» — я не верю, не могу верить. И — это «больше» — позволяет мне остаться при моем убеждении. Вы индивидуальность, вот почему вам «страшно тяжело». Современный индивидуализм для меня источник всех психических заболеваний, всех вывихов души.

Вы пишете: «Мне кажется — все человечество переживает эпоху знаменательную...» Так, я в этом уверен. Сравнивая прошлое с настоящим, я не вижу в прошлом такого времени, которое имело бы такое количество активной психической энергии, какое мы видим в наши дни, и никогда еще эта энергия не росла, не развивалась в таком быстром темпе, с такою силою.

«В старых богов не верю, нового нет», — говорите вы. Бог скрыт в вихре мировой жизни — где-то в центре вихря — место вполне достойное и человека, и бога — сына духа человеческого. В этом вихре жизни, все ускоряющем, творческом вращении своем, в этой буре нового миростроительства вы — и всякий другой — должны бы найти свое место. Если вы ищете «счастья» — оно возможно лишь в гармоническом слиянии своего бытия с бытием мировым, оно — в бесконечном расширении запросов духа вашего, в мужественной борьбе за осуществление вашей веры, вашего плана жизни.

Разумеется — я не поучаю, а лишь говорю, как думаю о вопрос <...>^{2*} Мне, видите ли, писатель, а особенно русский, — кажется всегда большим человеком. Это — мужественный свидетель, строгий судия — в нем.

* Дефект текста (ред.).

^{2*} Дефект текста (ред.).

*Милый и дорогой Алексей Максимович!
Мне ведомо, что, ей-богу, не я.
Я настоящий газдо-обываю у
вас постоянно.
(С. Кондурушкин)
СПб., 12 сентября 1908.*

С. С. КОНДУРУШКИН

Фотография с дарственной надписью Горькому:

«Милый и дорогой Алексей Максимович!

И все-таки это, ей-богу, не я.

Я настоящий часто

бываю у вас мысленно. С. Кондурушкин.

СПб., 12 сентября 1908 г.»

Архив Горького, Москва

в его душе, звучат тысячи жалоб, кипит огонь ненависти и гнева, живет великая любовь к миру и — всегда! — вера, необоримая вера в победу его дорогой мечты. У него нет времени жаловаться на тяготу личной своей жизни, он целомудренно сдержан, когда выражает свою личную боль, тоску, недоумения свои. Он сходит с ума от тоски, но — молча. А пока он может говорить связно и разумно, говорит все только о ней, о «святой Ефросинье» — «всей России¹», о своей удивительной, славной, неуклюжей, юной и насилюемой варварами стране. Ему, как вы знаете, вырывают язык, рубят пальцы, он — мычит, но — о ней. Всегда о ней! Он в нее верит, он ее любит. Русский писатель — милый и дорогой мне человек, которого я могу изругать сквернейше и ни на миг не потеряю уважения к нему, лучшему писателю мира, русскому писателю, который в дальней родне своей, думаю, имел и старого правдивого Илью² и Васюку Буслаева — того Васюку, что, не сняв рубахи, во святом Иордане купался, вопреки обычаю, бесстрашный³. Хороший человек русский писатель! А вы, доро-

А. Пешков

Датируется по помете Кондурушкина о получении письма: «22 сент(ября) 1908 г.». Верхняя часть листа обрезана, в результате утрачено несколько строк в начале и на обороте листа. В АГ сохранился черновой вариант этого письма:

Дорогой мой Степан Семенович!

Несомненно, вы правы, говоря, что ныне «все человечество переживает эпоху знаменательную», несомненно!

Чем дальше — тем более активной становится жизнь его, ибо растет количественно, развивается качественно психическая энергия человечества. За примерами ходить недалеко: Персия, Турция, Египет, Индия и Китай представляются мне новыми волнами психофизической силы в океане человеческого творчества. Волны эти новой силой и свежестью своей должны оживить, возбудить энергию усталой, пожившей Европы — скверной Европы, а все же дорогой нам, совершившей бесконечное число подвигов изумительных.

Великолепное время переживаем мы и не чувствуем этого лишь потому, что чрезмерно субъективны, сиречь — нищи духом.

«В старых богов — не верю, нового — нет», — пишете вы. И раньше: «В такие моменты острее чувствуются недостатки человеческого строя жизни, сильнее охватывает тоска по новым берегам». В этих мыслях чувствуется противоречие. Ибо —

если имеете тоску по новым берегам — имеете и нового бога. Без того, что вы зовете тоской — был бы квиетизм, нигилизм и иные состояния органического безбожия — т. е. неспособности личной психики к росту, к развитию. Отсюда заключаю — бога нового вы чувствуете, но еще не видите лица его.

Полагаю, что бог — в ощущении человеком жизни вселенской как гармонии и единства, в ощущении себя средоточием мирового процесса, который пронизывает непрестанно вашу психику тысячами молний и огней. Иного места не вижу ни для бога, ни для человека — это одно, достойное обоих.

¹ Речь идет о Г. И. Успенском, страдавшем в последние годы жизни тяжелым психическим заболеванием и с 1892 г. находившемся в психиатрических больницах. В сознании больного Успенского Россия ассоциировалась с образом христианской подвижницы, православной святой Ефросинии. См.: В. Т-ва (В. В. Тимофеева). Глеб Иванович и Александра Васильевна Успенские: Воспоминания и впечатления // Минувшие годы. 1908. № 1, 2. «Наиболее ярким примером разрушения личности, — писал Горький в ст. „Разрушение личности“, — стоит передо мной драма русской интеллигенции. Андреевич-Соловьев назвал эту драму романом, в которой Россия — „Святая Ефросинья“, как именовал ее Глеб Успенский, возлюбленная, а интеллигент — возлюбленный» (XXIV, с. 49).

² Один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса Илья Муромец (киевский цикл). В ЛБГ хранится с пометками Горького книга Ореста Миллера «Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса» (СПб., 1869. Описание).

³ Вероятно, описка Горького. Согласно былинам, Василий Буслаев купался в священной реке Иордан нагим, что считалось греховным. См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. С. 726.

17. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
12(25) ноября 1908 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Давно не писал Вам. Много раз начинал, и деловой разговор давно на языке вертелся, да как-то настроение не складывалось. Пусто в этом году в Петербурге... На начну с дел.

Прежде всего имею просьбу: не откладывайте, пожалуйста, «Моисея» дальше 25 сборника. И деньги нужны, да и нравственная нужда, — ждался я его.

Второе дело отчасти вытекает из первой просьбы. После выхода «Моисея» в начале 1909 г. я хотел бы издать второй том рассказов. Таковой могли бы составить: В сетях дьявола, Огарок, Сначала, Забастовка, Найву, Отъезд, Звонарь, Шутка и Моисей. Всё это в отгисках я посылаю вслед за письмом.

Конечно, если появление «Моисея» в сборнике моих рассказов через 2—3 месяца после выхода в сборнике «Знания» нарушит интересы издательства, значит, просьбу мою отставить. Но тогда есть еще комбинация для издания сборника рассказов все-таки в этом сезоне и без «Моисея». В течение ноября и декабря месяцев я напечатаю в журналах два рассказа, вместе с которыми и без «Моисея» материал для обычного тома — сборника «Знания», будет достаточный! Рассказы разобьются на два отдела. Одни из них, начиная с «Отъезда», касаются жизни русской деревни и города, а вторые — из Сибири и с Афона. Пишу же об этом заранее потому, что не торопясь всякое дело выходит лучше. Конечно, мне придется еще усиленно прокорректировать все рассказы, даже кое-что изменить и переделать.

К. П. Пятницкому я о сем написал¹. Написал потому, что увидеть его за последнее время дома трудно. Он собирается к Вам со дня на день с июля. В сентябре говорил мне, что едет на днях, и я передал с ним для Вас свою фотографию.

А Вы до сих пор фотографии своей мне не прислали. Конечно, обещанного три года ждут, но я все-таки рассчитываю, что Вы пришлете скорее обещанного обычаями срока.

А за сим расскажу Вам свои мечты. Мечтаю я летом поехать на Новую Землю². Хочу посмотреть, каковы там небеса и земля, люди и звери. Напишу Вам оттуда лучший подарок — прозрачную бирюзу полярных морей, птичий след у скалистых утесов, томление не вечернего света и могучие вздохи океана. А Вы взамен того уважьте, напишите про Капри.

И еще мечтаю написать последнюю неделю жизни Христа и Иерусалим. Одной из центральных фигур около Христа будет Иуда, но не тот туманный андреевский Иуда³, а Иуда — иудей того времени, борец за народную свободу, по нынешнему — революционер. Как он, так и лучшие из фарисеев предали и убили Христа за то, что он своей проповедью о непротавлении, о воздаянии кесарево — кесареви, всем своим учением понижал народное настроение борьбы за еврейскую самостоятельность и т. д.

Конечно, эти картины ярче восстали в моем воображении, зашевелились под влиянием андреевского Иуды. Но роль последнего была отрицательная. Там много досадно выдуманного.

Думается мне, что и после Андреева я мог бы написать интересно. Как Вам кажется, напишите, пожалуйста. Не самообольщаюсь ли я? Пока обдумываю.

Никак не могу себе представить, что Вам понравился амфитеатровский «роман для сцены» — «Княгиня Настя»⁴. Все это так плоско и... так ненужно. Ни одного живого слова, ресторанное остроумие и вырезанные из картона люди. М^{ожет} б^{ыть}», одна княгиня Настя рельефится на сантиметр выше картонной поверхности, но сколько раз появлялась она в русской литературе многократно ярче, в штанах и в юбке... Таково не только мое личное мнение, но и поголовно всех, с кем мне пришлось до сих пор встречаться.

Ваша «Жизнь ненужного человека» мне нравится очень до смерти Раисы. Это — от художника Горького. Остальное — от сыщика (сообщившего Вам свою историю).

Тускло начинается литературный сезон. Настроение литературной революции падает. Литературный октябрист побеждает. Много было в литературной революции хулиганства (как и в политической), но, видимо, без этого не обойтись. Увы, никогда не слушались хорошего совета притчи Христовой о пшенице и плевелах: «Оставьте их расти обоя купно до жатвы»⁵. Нет, дерут, варвары, с плевелами и пшеницу.

Приехал в П^{етербург} г В. Г. Короленко. Недавно с ним виделись. Он интересовался здоровьем Вашим, расспрашивал о Ваших настроениях. Насколько мог, я удовлетворил его любопытство. Он стал седой. Стареет. Ах, зачем Вас нет в России!

Сегодня в религиозно-философском обществе доклад о богоискании по поводу Вашей «Исповеди»⁶. Постараюсь попасть, хотя повестки не получил.

Ну, до свидания, дорогой Алексей Максимыч. Передайте привет Вашей супруге и будьте здоровы. Жду письма от Вас, как Вы живете, что работаете и все, что найдете про себя написать. Все сие весьма интересно.

Ваш С. Кондурушкин

В^{асильевский} О^{стров}, 6 л^{ивня} 27, кв. 24

¹ 8/21 ноября 1908 г. Кондурушкин писал Пятницкому: «Хотел поговорить с Вами насчет издания 2-го тома рассказов моих. После выхода в сборнике „Моисей“, в январе или феврале 1909 г., я хотел бы издать второй том. Объемом он будет немного больше „Сирийских рассказов“ (...) Выяснили ли относят(ельно) „Моисей“. Убедительно прошу не откладывать его позднее 25 сборника» (АГ). «Моисей» был напечатан в XXV сб. «Знания» (вышел в свет 12/25 дек. 1908 г.). Второй том «Рассказов» Кондурушкина выпущен «Знанием» 11/24 ноября 1909 г. (на титульном листе: 1910 г.). Во второй том вошли произведения: «Моисей», «Без берегов», «В сетях дьявола», «Огарок», «Забастовка», «Во мраке ночи», «Звонарь», «Шутка» и «Найву».

² Кондурушкин предпринял поездки на Новую Землю в 1909 и 1913 гг. См. п. 23.

³ Речь идет о повести Л. Н. Андреева «Иуда Искариот», законченной им на Капри 24 февраля 1907 г. и впервые напечатанной в XVI сб. «Знания» (1907). В повести отразились пессимистические настроения Андреева после поражения революции 1905 г. У Андреева Иуда единственный верный ученик Христа среди апостолов. Иуда предаёт Христа потому, что темная, нищая духом народная масса способна воспринять воплощенную в Христе «истину», не иначе как став очевидцем «чуда воскресения». Произведение Кондурушкина об Иуде нам не известно. Возможно, это неосуществленный замысел. Отрицательное отношение Кондурушкина к учению Христа о «непротивлении» позже нашло отражение в его повести «Монах». См. п. 33, прим. 8.

⁴ «Княгиня Настя. Роман для театра в 4-х действиях и 5-ти картинах» Амфитеатрова и повесть Горького «Жизнь ненужного человека» впервые опубликованы в XXIV сб. «Знания» (вышел в свет 3/16 нояб. 1908 г.).

⁵ Евангелие от Матфея. Гл. 12, ст. 30.

⁶ Собрание Религиозно-философского общества в Петербурге было перенесено на 13/26 ноября 1908 г. На этом заседании с докладом «Народ и интеллигенция» (первоначальное заглавие в рукописи: «М. Горький и народ (по поводу „Исповеди“ М. Горького)») выступил А. Блок и студент-филолог Г. А. Баронов, представивший доклад «Обожествление народа (по поводу „Исповеди“ М. Горького)». Предполагавшиеся прения по докладам Блока и Баронова были запрещены полицией, но состоялись на следующем закрытом заседании Общества 25 ноября/8 декабря 1908 г. Под заглавием «Россия и интеллигенция» доклад Блока был впервые напечатан в журн. «Золотое руно» (1909, № 1). По мнению Баронова, Горький в «Исповеди», якобы сознавая недостаточность «реальных» оснований своего социализма, стремился утвердить его «мистически» (Слово. 1908. № 622. 16 нояб.). Возражая Баронову, Блок подчеркивает, что в «Исповеди» «ценно то, что роднит Горького не с Луначарским, а с Гоголем; не с духом современной „интеллигенции“, но с духом „народа“. Это и есть любовь к России в целом, которую, может быть, и „обожествляет“ разум Горького, попавший в тенета интеллигентских противоречий и высокопарных „боевых“ фраз, свойственных Луначарскому...» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 321). Споры вокруг «Исповеди» в Религиозно-философском обществе вызвали у Горького чувство раздражения. В конце декабря 1908 г. (первой половине янв. 1909 г.) он писал Е. П. Пешковой: «Идут беседы об „Исповеди“ в религиозно-философском обществе: что это за пошлость, что за ничтога мысли, какое лицемерие!» (Арх. Г. Т. IX. С. 59).

18. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 17/30 ноября 1908 г.)

Дорогой мой Степан Семенович!

По вопросу об издании второй вашей книги до встречи с К. П. — ничего не могу сказать¹: дела этого порядка — в его руках. О «Моисее» вам следует переговорить с ним же, К. П., что ближе к вам да и действительнее. Когда выйдет 25-й — не ведаю².

Идея писать Иуду — нравится мне. Думаю, что тема — эта — в круге ваших сил, рассказ должен бы выйти стройно, как вышел «Моисей».

Советую — во избежание совпадения с написанным уже — прочесть, как этот тип трактовали до вас Вейцель, Дрейер, Гедберг и наш Голованов, переводчик Фауста³.

Андреев, напр<имер>, во многом буквально совпал с Дрейером, на что было указано Волошиным в «Руси»⁴ и Каминским в каком-то духовном журнале, кажется в «Прав<ославном> собес<еднике>»⁵. Кстати — я, м<ожет> б<ыть>, не верно пишу — Дрейер, забыл имя этого автора.

«Птичьих следов» из Новой Земли — не присылайте мне — не надобно: у меня есть попугай, он сидит на плече моем и оставляет множество следов на спине у меня. Этого с меня вполне достаточно.

«Поголовное мнение» и «Княгиня Настя» еще более убеждают меня в плохом состоянии литературных голов. Могу облегченно сказать: слава тебе, история русская, за то, что ты все расширяешь пропасть между народом и современной литературой «модерн-мармелад»!

Мне, ригористу и тенденциозному человеку, пьеса Амфитеатрова, конечно, нравится. А сам автор — еще более: это, кажется, единственный россиянин-интеллигент, который после революции неуклонно идет налево.

Встретив В. Г. Короленко — почтительно поклонитесь ему. Грустно мне, что он не пишет, люблю я его мягкий, ласковый талант и неподражаемый язык⁶.

А что вы скажете по сему поводу: накануне XX-го века и в первых годах его многие литераторы, как бы сговорясь, начали писать об Иуде, заклеяв именем предателя, и все, без различия наций и характеров, стараются реабилитировать его⁷. Можно ли отсюда заключить, что Христа ныне начинают чувствовать как помеху некую ходу жизни?

Лично я — равнодушен и ко Христу, и ко Искарриоту, вопрос имеет для меня интерес теоретический.

Привет. Жму руку.

А. Пешков

Датируется по п. Кондурушкина от 12/25 ноября 1908 г., на которое является ответом.

¹ Горький вторично отвечает на вопрос Кондурушкина об издании в «Знании» второго тома его «Рассказов». См. п. 18.

² См. п. 17, прим. 1.

³ Имеются в виду следующие издания: Карл Вейзер «Иисус» (Лейпциг, 1906), Тор Гедберг «Иуда» (рус. пер. В. Спасской) (М., 1908), Н. Н. Голованов «Искарриот» (драма в стихах) (М., 1905). Вейзель и Дрейер — ошибка Горького. В обоих случаях речь идет о немецком драматурге Карле Вейзере (1848—1913). Тор Гедберг (1862—1931) — шведский писатель. Николай Николаевич Голованов (1867—1938) — писатель, переводчик, режиссер. В ЛБГ «Фауст» Гёте представлен в нескольких переводах, в том числе: Гёте. Фауст: Трагедия. Ч. 1,2/Пер. Н. Голованова. 2-е изд., испр. М.: Изд. С. С. Мошквина, 1898 (*Описание*).

⁴ Волошин М. Некто в сером // Русь. 1907. № 157. 19 июня.

⁵ «Православный собеседник» — ежемесячный журнал, выходивший в Казани с 1855 по 1917 г. Издание Казанской духовной академии. С 1907 г. редактировался проф. С. А. Терновским. Ст. Каминского об Андрееве в этом журнале не найдена.

⁶ Позже, 15/28 сентября 1909 г., Горький писал в п. М. М. Коцюбинскому: «Коли увидите Влад(имира) Галак(тионовича) — почтительно поклонитесь ему от ученика и почитателя. Недавно пришлось мне перечитать все его книги — в целях лекторских — и с каким удовольствием сделал я это!» (XXIX, 97—98)

⁷ Эта мысль впоследствии была развита Горьким в ст. «О современности» (Русское слово. 1912. № 51, 52. 2 и 3 марта).

19. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

Одесса.

11(24) декабря 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Снова я поехал. Как задумывал про Христа, так и потянуло меня в Палестину. А денег нет. Надо искать средств. Вот и поехал от «Слова»¹ объехать всю Турцию кругом. Мне-то нужно только на старые места, — да ведь что поделаешь. Поехал на три месяца. Маршрут мой: Константинополь, София, Белград, Призрен, Салоники, Афины, Александрия, Каиро, Порт-Саид, Яффа, Иерусалим, Дамаск, Малая Азия и через Смирну обратно до дому. Коли хотите доставить мне удовольствие, напишите, напр(имер), в Константинополь, где буду с 15—24 декабря, или в Софию — 25 дек(абря) — 1 января, или в Белград — 2—10 января. Всюду — до востребования. Что будет дальше — я еще Вам напишу.

К. П. Пятницкий сказал мне, что «Моисей» выйдет в половине декабря. Я уехал спокойно — без меня семья получит деньги. Мой же заработок от поездки будет, вероятно, ничтожным, ибо писать я стану мало, от всяких телеграмм сенсационных и интервью — отказался, не умею; обещал писать о жизни, как я ее увижу и пойму. Редакция оплачивает проезд мой по 2 кл(ассу), дает по 100 руб. в месяц и по 10 коп. за строчку. Положим, назначил я себе плату сам. Из этого только следует, какой я скромный человек. Боюсь, что потом скажут: «Вот ты взял много, а писал мало и плохо». Черт с ними, пусть уж не корят.

Не знаю, читаете ли Вы «Слово»? Поссе как-то говорил, что он от кого-то слышал, будто Вы считаете «Слово» октябристским органом. Это — ошибка. Там смешались осколки разбитой «Нашей жизни»² («Товарищ»³ — тоже) с социал-демократами, кадетами и просто газетными работниками. Цель у редакции — сделать «Слово» беспартийным прогрессивным органом вроде «Русских ведомостей», что ли. Очень тщатся привлечь крупные литературные силы, приглашают Куприна, Андреева и еще там кого-то. А то скучная она, эта газета, и-и, бог мой, какая скучная!

Пятницкий собирался к Вам на Рождество. И вот, если Вы будете иметь с ним разговор относительно второй книжки рассказов моих, примите к сведению следующее: я говорил там о 2-х комбинациях — с «Моисеем» и без «Моисея». Для второй обещал прислать оттиски 2-х рассказов, которые хотел напечатать за этот год. В январе месяце моя жена пришлет Вам оттиск рассказа «Без берегов», который напечатает «Русское богатство»⁴. В нем больше листа. С ним и вторая комбинация будет возможна.

Владимиру Галактионовичу Ваш привет передал. Он в свою очередь просит меня передать Вам низкий поклон. Хороший он старик, очень хороший, на редкость.

Приезжайте в конце января в Каиро. Вместе будем на пирамиды смотреть. Три дня и три ночи! Что Вам стоит? Сядете в Неаполе на паром, а через трое суток в Каиро. В две недели туда и обратно можете съездить (и в Египте неделю пробыть). И расход-то плевый, — полтора ста рублей. С. Я. Елпатьевский там тоже хотел быть этой зимой⁵.

Нет, Вы, наверно, не приедете!

Христос, конечно, мешает. Рушатся старые формы государственных и общественных отношений. А в них была заложена христианская идея абсолютизма власти и аскетической морали и идеалов. Иуда теперь желанный парень. Ну, будьте здоровы.

Всего лучшего. Привет Марии Федоровне. (Ой, не ошибся ли в отчете! Если ошибся, пожалуйста, не сказывайте).

Ваш С. Кондурушкин

¹ «Слово» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1903 по июль 1909 г. Орган партии «мирного обновления». В газете печатались С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. Г. Виноградов, В. А. Поссе, И. В. Жилкин, Блок, Брюсов, П. Д. Боборыкин, Н. К. Рерих, А. М. Ремизов, Г. И. Чулков, Вяч. Иванов, А. С. Рославлев, Дм. Цензор, О. Н. Чюмина, Ю. И. Айхенвальд, Л. Я. Гуревич и др. В рекламном объявлении о подписке на 1909 г. редакция писала: «Заботясь о доставлении читателям возможно более живых на месте добытых сведений о странах Балканского полуострова в нынешнее многосложное для этих краев и всей Европы время, редакция „Слова“ посылает на Ближний Восток в качестве своего специального корреспондента С. С. Кондурушкина» (Слово. 1908. № 639. 3 дек.). С 12/25 декабря (№ 648) 1908 г. по 2/15 апреля 1909 г. (№ 753) Кондурушкиным было опубликовано в «Слове» 24 путевых очерка под общим заглавием «Вокруг Турции». Ранее (Слово. 1908. 5 и 10 сент.) в газете была помещена его ст. «О турецкой революции».

² «Наша жизнь» — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета без предварительной цензуры. Издавалась в Петербурге с 1904 по 1906 г. Официальным редактором ее был экономист, профессор финансового права Петербургского университета Л. В. Ходский. По своему направлению «Наша жизнь» была близка левому крылу кадетской партии. Среди сотрудников ее значились Н. А. Бердяев, А. И. Богданович, В. Я. Богучарский, С. Н. Булгаков, В. А. Гольцев, Н. И. Кареев, С. Л. Франк и др. После закрытия «Нашей жизни» ее подписчики получали газ. «Товарищ».

³ «Товарищ» — политическая и литературная и экономическая ежедневная газета. Выходила в Петербурге с апреля 1906 по декабрь 1907 г. Редактировалась с № 45 В. В. Португаловым. Издательница — Н. Н. Русанова. Основателем газеты был Л. В. Ходский. Формально беспартийный орган, проводивший линию левых кадетов. Ближайшее участие в «Товарище» принимали Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович.

⁴ Рассказ Кондурушкина «Без берегов» напечатан в «Русском богатстве» (1909, № 1).

⁵ После поездки Елпатьевского в Египет им была напечатана книга путевых очерков «Египет» (СПб., 1911. 2-е изд. СПб., 1912).

20. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
11(24) марта 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч!

Посылаю при сем оттиск рассказа моего «Без берегов» («Р<усское> б<огатство>», январь 1909 г.) в дополнение к прежде посланным оттискам моих статей для 2-го тома рассказов. Таковой я думал бы печатать уже осенью этого года, ибо теперь поздно. Но выяснить вопрос о печатании хотел бы теперь. А потому не откажитесь написать мне об этом Ваше решение.

Только что возвратился из поездки вокруг Турции. Теперь после поездки я еще больше хочу написать серию рассказов из жизни Христа... Позавчера был на выставке картин Поленова¹. Меня бросило в жар и холод. Он тоже сделал серию «рассказов» — полотен из жизни Христа и, главное, в том же духе, как это рисуется и мне. В одном из писем Вы задали мимоходом вопрос: «Не мешают ли нам теперь Христос?» Конечно, мешают! Христос, созданный страдающим человечеством в течение двух тысячелетий, взлелеянный мечтами рабов и господ, этот Христос — болотный туман; он колышется над миром, мешая людям отчетливо видеть друг друга, завлакивает дали прошлого и будущего, затягивает солнце, губит радости земли. И я думаю, что его можно сделать менее вредным: надо на его месте нарисовать человека, а вокруг него живую жизнь и природу. Конечно, надо хорошо нарисовать. Вот это и делал Поленов на своих полотнах. Есть хорошие картины. Вероятно, его будет скоро поносить церковь.

Вне России вольнее дышится. А в России давит. Помните у Тургенева в «Бежином луге»: «Давит могила, Трофимыч. Разрыв-травы ищут». И все теперь здесь ищут разрыв-травы².

Неоднократно собирался вам писать с дороги, да газетные статьи одолевали. Неприятное это занятие — писать газетные статьи. Газетная статья — это самый злой враг художественного впечатления. Газетная статья это нечто вроде пьяного буяна, что приходит в свою же милую квартиру, ломает мебель, бьет посуду и нарушает годами сложившийся порядок обстановки.

Как красивое видение промелькнули перед глазами Греция, Египет, Палестина и Сирия. И вот я снова в тусклом Петербурге, где на всех лучших идеях человечества лежит налет дрянной злобы, раздражения, борьбы ничтожной и мелочной, где о любви говорят с камнем за пазухой, мыслят вспухшей печенью, любят только затем, чтобы иметь право что-нибудь ненавидеть... Проклятый город. Петербург лег мертвой тяжестью на русскую мысль, искусство, на всю жизнь. Не скоро выберется Россия из-под гнета петербургского периода.

Ну, до свиданья, дорогой Алексей Максимыч, боюсь, что я много философствовал и, м<ожет> б<ыть>, в том же петербургском духе. А фотографии своей Вы так мне и не прислали. Кланяется Вам жена. Передайте наши приветы и Вашей супруге.

Ваш С. Кондурушкин

В(асильевский) О(стров), 6 л(иния), 27

¹ Василий Дмитриевич Поленов (1844—1927) — художник-передвижник. Над серией картин «Из жизни Христа» работал с 1896 по 1909 г. В 1899 г. Поленов предпринял трехмесячное второе путешествие на Восток, посетил Константинополь, Иерусалим, Египет, Бейрут. Художественный материал для своих картин он собирал в Иерусалиме, Назарете и Тивериаде. По замыслу Поленова, вся серия должна была состоять из небольших эскизов, сюжеты для которых художник заимствовал из евангелий. Выставка картин «Из жизни Христа» состоялась в Петербурге в феврале—марте 1909 г. 58 полотен были размещены по шести разделам, соответствующим евангельской биографии Иисуса Христа: 1. Детство и юность. 2. У Иордана.

3. В Галилее. 4. Вне Галилеи. 5. В Иерусалиме. 6. Последние дни. Ранее написанные Поленовым картины «Христос и грешница» (1887) и «На Генисаретском озере» (1888) на выставке были представлены уменьшенными авторскими копиями. На картинах из серии «Из жизни Христа» евангельский Иисус изображен совершенной личностью, размышляющей или созерцающей на фоне идеализированного пейзажа. В п. — Л. Н. Толстому от июня 1909 г. Поленов писал: «Мои картины служат главным образом изображению природы и обстановки, в которой совершались евангельские события» (Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова: Хроника семьи художников. М., 1964. С. 667).

² Цитата из «Бежина луга» Кондурушкиным приведена по памяти. У И. С. Тургенева: «Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Л. Т. 4. С. 104).

21. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

19 апреля (2 мая) 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч!

Вот уже больше месяца тому назад, как я писал Вам письмо¹. До сих пор ответа не имею. А в письме том я между другим писал Вам и об издании второй книжки моих писаний в начале следующего книжного сезона и просил Вас написать мне ответ Ваш *теперь же*. Решаюсь просить о том же вторично.

Оттиски всех рассказов для предполагаемой книжки у Вас. Я послал их в ноябре пр<ошлого> г<ода>, а в марте т<екущего> г<ода> дополнительно «Без берегов».

На Новую Землю собираюсь.

Будьте здоровы. Привет мой Марии Федоровне.

Любящий Вас С. Кондурушкин

В(асильевский) О(стров), 6 (линия), 27, кв. 24

¹ См. п. 20.

22. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 25 апреля/8 мая 1909 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Относительно издания второй книги рассказов ваших — говорите с К. П. Пятницким. Оттиски ваших вещей я ему немедля выпшлю, если хотите.

Не отвечал вам столь продолжительное время потому, что со дня нашего отъезда с Капри жду приезда К. П. Жду и сегодня, как ждал вчера.

Писать же ему — бесполезно, он не отвечает на письма, потому, видимо, что живет, собираясь сюда ежедневно¹.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию (ответ на п. 21).

¹ 15/28 апреля 1909 г. Горький телеграфировал Пятницкому: «Прошу ответить, когда приедете» (Арх. Г. Т. IV. С. 271). В конце мая 1909 г. Горький возвратил Пятницкому бывшие у него на просмотре рукописи для изд-ва «Знание» с просьбой «ответить авторам, как найдете нужным. Распорядитесь в конторе, чтобы впредь мне никаких рукописей не посылали» (Там же. С. 271).

23. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

8(21) июля 1909 г.
Новая Земля
Маточкин Шар

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам несколько слов с Новой Земли¹. Только что вчера приехал сюда и вот остался в Маточкином Шаре до следующего рейса, т. е. более чем на два месяца. Условия жизни будут довольно сносные. Дом художника Борисова² дает вполне приличное помещение. Провизии захватили с собой, и здесь найдутся гуси, оленина и рыба. Три семьи самоедов и одна русская и штук сотня собак — вот и все поселение Маточкина Шара. Кругом залив, обставленный со всех сторон горами. Горы покрыты снежными полосами до самого моря. Ходят льды. Пароход уходит сегодня, и на два с лишним месяца я буду отрезан от всего культурного мира океаном.

Правда, я не один. Со мной остается на лето еще трое: два немца (приехали за шкурами зверей и птиц на чучела) и молодой прив<ат>-доцент Петербургского университета. У нас много оружия и охотничьих припасов. Даже сети для ловли рыбы.

Вот она первозданная земля. Можно сказать словами Библии: «И дух божий носился над нею»³. Вот пока и всё. Будьте здоровы. Привет вашей супруге.

Ваш С. Кондурушкин

¹ Корреспонденции Кондурушкина о его первой поездке на Новую Землю в 1909 г. печатались в газ. «Речь»: «Кто владеет Новой Землей» (7 сент.) и «На севере. Новоземельский пансион» (14 сент.).

² Александр Алексеевич Борисов (1866—1934) — художник, писатель, экономист. В 1898 г. окончил Академию художеств, ученик И. Е. Репина. Первое путешествие на Новую Землю совершил в 1896 г. Привез много этюдов, приобретенных П. М. Третьяковым для его художественной галереи. Рисовал для этнографического отдела музея им. Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). В 1900 г. отправился на Новую Землю на парусном судне «Мечта» вместе с зоологом Харьковского ун-та Т. Тимофеевым, гидрологом А. Филипповым и рабочими. На Новой Земле построил дом (при западном устье пролива Маточкин Шар). Автор книг: «У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Путевые очерки» (СПб., изд. А. Ф. Девриен, 1907), «В стране холода и смерти. Экспедиция худ. А. А. Борисова» (СПб., 1907), «Великий Северовосточный морской путь. — Великий речной путь из Сибири в Европу» (СПб., 1910). См.: *Назимова И. В.* Александр Алексеевич Борисов: Жизнь и творчество. Архангельск, 1959; *Мунин А. Н.* Александр Борисов: К 100-летию со дня рождения. Архангельск, 1967.

³ Библия. Первая книга Моисеева. Бытие. Гл. 1, ст. 2.

24. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
10(23) сентября 1909 г.

Милый Алексей Максимыч.

Посылаю Вам одновременно с этим письмом бандеролью рукописи двух небольших рассказов¹. Оба они так невелики, что, если Вам понравится, один из них, м<ожет> б<ыть>, мог бы пойти в ближайшей книжке «Знания». <Оба объемом в 3/4 листа>. Коли не понравятся, не откажитесь возвратить.

Пришлите мне Вашу фотографию. Пишу Вам в тяжелое для нас время: у нас сильно больна девочка — воспаление легких, не знаем, выживет ли. А мне хотелось бы Вам рассказать про свою поездку на Новую Землю. Очень интересно. Вероятно, уж опишу всё вам в рассказе². Напишите про себя что-нибудь. Передайте привет супруге Вашей.

Ваш С. Кондурушкин

На письме пометка Горького: В(асильевский) О(стров). 6-ая лин(ия), 27, 24 (адрес Кондурушкина).

¹ См. п. 25, прим. 1.

² Речь идет о рассказе «В солнечную ночь». См. п. 26.

25. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 16/29 сентября 1909 г.)

Дорогой Степан Семенович!

Для сборников рассказики ваши — мелковаты, вы бы в газету их¹. «Европейски известный» писатель неверно цитирует Лермонтова: поставил 12-ю строку на место 14-й. Вообще он не очень гениален, и я удивляюсь вкусам Европы.

Лошадиный «Бунт» — не удачен. Это — символика?

Всех благ!

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Очень кланяюсь Вам, дай бог, чтобы Ваша дочка скорее поправилась! А. М. никогда от меня поклонов не передает никому, так уж я сама решилась черкнуть на обороте. О чем он Вам пишет, не знаю. А вдруг и от меня кланяется, т. е. на этот раз он вспомнил поклон Вам мой передать.

Жму Вашу руку.

М. П.

Датируется по п. Кондурушкина от 10/23 сентября 1909 г.

¹ Кондурушкин выслал Горькому рассказы «Бунт» и второй, название которого установить не удалось. Герой рассказа «Бунт» самарский помещик Соколовых. Негусто сходит с ума от страха перед своими мужиками, которых подозревает в том, что они замышляют против него «бунт». Чтобы напугать маскирующихся до времени «бунтовщиков», граф приказывает застрелить своего любимого жеребца, переставшего выполнять команды, и «парную лошадь», которой могло бы передаться «безумие» ставшего непокорным жеребца. Рассказ «Бунт» впервые опубликован в журн. «Бодрое слово» (1909, № 20, окт., с. 3—12). Публикация второго рассказа не найдена.

26. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
16(29) сентября 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Вот я обещал Вам послать рассказ о Новой Земле. При этом и посылаю рукопись — «В солнечную ночь».

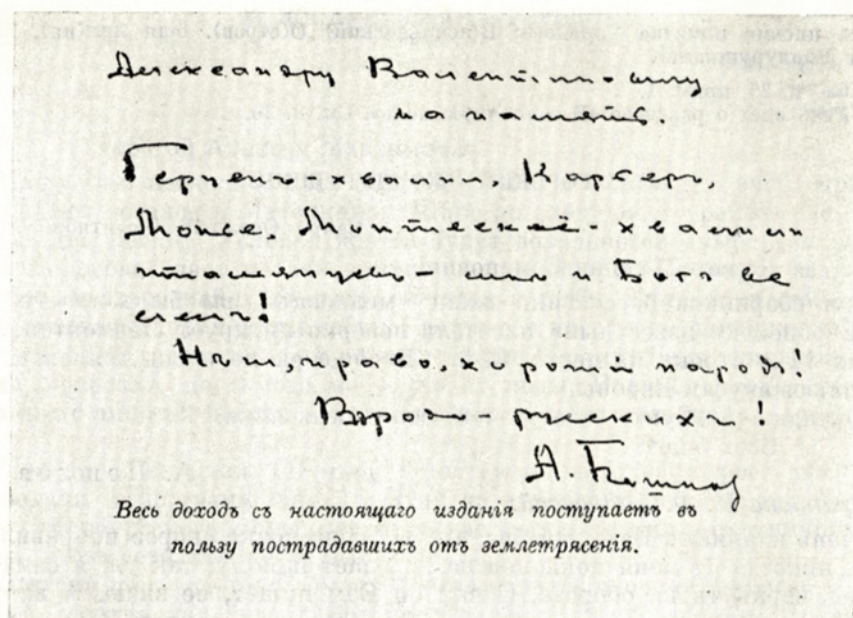
Только вчера прочитал Вашу книгу — «Землетрясение в Калабрии и Сицилии»¹. Дорогой Алексей Максимыч! — потрясающая книга, и в то же время — книга, поднимающая человеческий дух, зовущая к жизни и радостной борьбе. Это уж секрет Вашего духа — рассказать такой ужас, часто в кавычках, и в то же время не поникнуть головой, сообщить *свое* настроение. Ну, дай вам бог всего хорошего.

Примите от нас женой, а также передайте Марии Федоровне привет.

Ваш С. Кондурушкин

¹ Впервые напечатано в переводе Августа Шольца на немецкий язык отдельной книгой: Im zerstörten Messina von Dr. M. Wilhelm Meyer und Maxim Gorki. Berlin, Verlag I. Ladyschnikow, 1909.

Первое русское издание: Горький М., Мейер В. Землетрясения в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г., СПб.: Знание, 1909 (книга выпущена в свет 3/16 окт. 1909 г.). Кроме очерка Горького в книгу вошла статья швейцарского астронома Вильгельма Мейера (1853—1910) «В разрушенной Мессине». Весь доход от издания предназначался пострадавшим от землетрясения.

ЦАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ НА КНИГЕ:
М. ГОРЬКИЙ И В. МЕПЕР. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В КАЛАБРИИ И СИЦИЛИИ
15/28 ДЕКАБРЯ 1908 Г.

СПб., 1909

Библиотека им. Лилли Индианского университета, Блумингтон

27. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. Около 22 сентября/5 октября 1909 г.)

Дорогой С. С. — рассказ идет, хороший рассказ! ¹

Но — перед тем, как отдать его в контору, а оттуда в типографию, вы бы просмотрели его один разок?

На стр. 1-й — «миллионлетнем прошлом», на 9-й — «пушистоволная река» — хороши ли эти пышноблещущие слова.

На 29 — «ледовитые стихии» — как понять? Сколько их, кроме льда и мороженого?

На 31 — «клубы дыма, просвечивая» — вероятно: оранжевые лучи, просвечивая *сквозь* клубы дыма?

На 33-й — «каменные раковины» — деревянных не бывает; «водоросли начетного образования» — совершенно не приемлемы и не понятны.

На 2-й — «горы, нагроможденные еще в первые дни творения» — по Библии? По геологии они позднее нагромождены.

14-й — «6 дней великого творенья Богов» — уж если по Библии, то — Бога. Седьмой день — по Библии — неприемлем.

Далее: «земля застыла на второй день, когда еще только что ... и не успела произрастить — *плодовые*, вероятно? * — деревья, травную зелень» и т. д.

Это все надобно изменить: дело в том, что на Шпицбергене даже была в свое время под-тропическая флора — бананы росли. На днях я видел оттиски вишневых листьев на сланце Шпицбергена. «Второй день» — вообще не годится: есть человек, оленики, мхи, лишай, птицы, моржи, солнце, звезды — продукты уже семидневного творчества.

* Два слова вписаны Горьким и им же подчеркнuto.

Библейские чудеса-то вы бы оставили — к чему они? И без них хорошо.

Человек вы простой и хороший — зачем вам подниматься на цыпочки? И рассказ хорош — зачем его портить несуразностями?

Перестроив все это — буде вы согласны — отошлите рукопись Семену Павловичу² и будьте здоровы.

А. Пешков

Датируется по п. 26.

¹ Пятницкий предполагал опубликовать рассказ Кондурушкина «В солнечную ночь» в XXIX сб. «Знания» вместе с повестью К. Гамсуна «Странник играет под сурдинку». Но так как рукопись повести еще не была им получена, Пятницкий, не зная ее объема, задержал печатание рассказа Кондурушкина. Кроме того, Горький хотел в январе 1910 г. сразу выпустить XXIX и XXX сб. «Знания», в которых печатались «Городок Окуров» и «Матвей Кожемякин». «Матвея Кожемякина» Горький тогда считал второй книгой «Городка Окурова». Когда наконец стал известен объем повести Гамсуна, окончательно определилось содержание XXVIII, XXIX и XXX сб. «Знания». 20 ноября/3 декабря 1909 г. Пятницкий, находившийся на Капри, сообщил в Петербург С. П. Боголюбову, что рассказ Кондурушкина вошел в XXVIII сб. «Знания» и печатается вместе с драматическими сценами Шолома Аша «Зимою» (АГ). В этом же сб. помещено начало «Городка Окурова», окончание его напечатано в XXIX сб. «Знания». XXVIII сб. «Знания» вышел в свет 12/25 декабря 1909 г. Кондурушкин учел большую часть замечаний Горького. Так, например: «горы, нагроможденные еще в первые дни творения» заменено: «Нагроможденные в мощном беспорядке среди холодных волн океана стоят вокруг Шара мерзлые горы». Учел автор и замечание Горького относительно плодовых деревьев. Теперь это место в рассказе читалось так: «А здесь земля застыла на третий день великого творенья, когда еще только что отделились от земли воды, и земля не успела произрастить травную зелень и плодовые деревья». Вместо: «Клубы дыма, просвечивая...» — напечатано: «Клубы дыма, пронизанные оранжевыми лучами...» «Каменные раковины» и «водоросли натечного образования» изменено на: «куски окаменелостей, раковины и водоросли». «Пушистоволная река» исправлено на: «катится пушистыми волнами». В другом месте Кондурушкин, в связи с возражением Горького, исправляет: «...давно закончились все шесть дней великого творенья богов, и вот уже несколько тысячелетий длится седьмой день, день творчества человеческого».

² С. П. Боголюбов (ум. 1927) — заведующий конторой изд-ва «Знание».

28. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

15(28) ноября 1909 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

За некоторые указания по поводу очерка моего очень благодарен: я ими воспользовался. Но некоторые из них основаны, мне кажется, на недоразумении. По-видимому, Вы не допускаете, чтобы земля, на которой, мы знаем, есть оешки, люди, моржи и проч., могла дать впечатление библейской первозданности, второго дня творения... Ссылайтесь на науку. Немецкий естествоиспытатель фон Бер¹, исследователь Н(овой) З(емли) в первой половине прошл(ого) стол(етия), конечно, знал об остатках высшей флоры и фауны в странах полярных. Ион пишет о пейзаже Н(овой) З(емли): «Я не мог подавить в себе мысли, невольно мне представившейся, будто теперь только что настает утро мирозданья и вся жизнь еще впереди...» и т. д.

«Миллионлетнее прошлое» в моем ухе укладывается так же просто и без вычур, как столетий, тысячелетий...

Ледовитые стихии, конечно, не только «лед и мороженое». Их может быть столько же, сколько стихий в древнем или современном научном смысле слова: вода, земля, воздух или отдельные элементы, раз они обладают свойством льда, т. е. холодом.

Выраж(ение) «творчество богов» Вы поправляете: «Уж если по библии, то — Бог». Это, конечно, прямого отношения к моему очерку

не имеет, но для справки (м. б., Вам интересной) скажу, что по Библии должно быть именно — боги. «Бирешит бара элогим» — В начале сотворил боги («элогим» мн^{ожественное} ч^{исло} от «иль»). Вот еврейский текст, соответствующий вполне древнееврейскому представлению о множественности божеств. И только христианство упорно навязывало евреям идею монотеизма.

Вообще, мне кажется, что Вы рассудком против образов библейских, мифологических, сказочных и друг^{их} подобных, которые в нашем (и в Вашем, думается мне) художественном сознании живут, много говорят чувству, да и уму тоже. И науку Вы тут за волосы беспокоили напрасно.

Недавно прочитал вашу «Исповедь». В конце «Исповеди» (думается мне, бессознательно), как бы для подтверждения истинности вашей религии, могущества вашего Бога, вы не отказали этому Богу в удовольствии поразить верующих чудом: народ-бог исцеляет безногую девушку... И хоть «чудо»-то это у вас не чудо, но тем не менее оно по форме так похоже на чудеса Христов и Магометов, и буддийск^{ие} и проч. и проч.: «слепые прозревают, хромы ходят, прокаженные очищаются...» А следовательно, и новое религиозное сознание получает старый, как бы законный патент.

Думаю, что в данном случае вашим художественным сознанием руководили старые группы «библейских» образов: Бог и чудеса друг друга взаимно утверждают. Но, кстати, уж повторю, что фабрика и фабричные рабочие, в роли нового предтечи новому богу, произвели на меня художественно неубедительное впечатление. (Я то же говорил Вам и по первому впечатлению на Капри.)

Нигде не нашел вполне, а как попал в фабричную среду — окончательно нашел! Это, — простите дорогой Алексей Максимыч, — слишком «программно», рассудочно. «Фабрика», м^{ожет} б^{ыть}, найдет бога, а м^{ожет} б^{ыть}, не найдет. Творчество в этой среде есть, но ведь оно не закончилось, не выразилось ясно. И желание дать ему законченный вид должно исключить художественность изображения. От нетерпения разума вы это сделали.

Но я об «Исповеди» заговорил не для того, чтобы повторять слова, м^{ожет} б^{ыть}, огорчительные. Напротив, хочу утверждать.

В Петербурге появился проповедник «братец Иванушка»². Привлекает множество народу. Нигде рабочие слои населения, т^{ак} наз^{ываемый} «народ», не испытывают такой духовной жажды, как в Петербурге. Петербург для них — каменная пустыня. Писатели, художники, пастыри, ученые — все раздражают народное сознание предчувствием какой-то высшей жизни, высших интересов, но в своих творениях и словах этому народу недоступны, непонятны. А он (народ) хочет духовного мира, ищет его и находит вот в таких проповедниках.

Но несмотря на «чудеса», на масло и проризания, этот проповедник и его слушатели все-таки в высшей степени интересны. Интересна проповедь этого «братца». По первому впечатлению она ничем не отличается от христианства, ибо вся исходит из текстов казенного евангелия. Но, вслушавшись, замечаешь удивительно свежую струю: надо устроить хорошо жизнь свою на земле; надо, чтобы жизнь была здоровая, радостная, счастливая, трезвая. О небесном разговору как-то очень мало. На собраниях энтузиазм толпы достигает большой силы и выразительности. Чувствуешь, что алчет и жаждет народ, мятется и ищет... Но мир все еще остается «расколот на две половины», интеллигенция ищет народа, а народ ищет интеллигенции. И оба с завязанными глазами.

Так вот и живет пока. Многие не выдерживают. Уж очень тоскливо. Будьте здоровы. Передайте привет Вашей супруге и Константину

Петровичу, если он там³. Да и наверное там. Он собирался на Капри больше года. Если он столько же будет собираться с Капри, мы здесь взвьем на разные голоса.

Ваш С. Кондурушкин

¹ Речь идет о Карле Эрнсте Бэре (1792—1876) — естествоиспытателе, основателе эмбриологии и одном из учредителей Русского географического общества. Почетный член Петербургской Академии наук. Имеется в виду его труд «Экспедиция в Лапландию и на Новую Землю» (1836). См.: Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 3.

² Основатель секты трезвенников самарский крестьянин Иван Алексеевич Чуриков, начавший свои проповеди в 1890-х годах в Самаре, а затем перенесший их в Петербург и Москву. См. очерк Кондурушкина «Братец Иванушка» (Речь. 1910. № 290 и 310. 22 окт. и 11 нояб.).

³ Пятницкий приехал на Капри 1/14 сентября 1909 г.

29. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

31 января (13 февраля) 1910 г.

Дорогой Алексей Максимыч,

обращаюсь к Вам со следующей просьбой и предложением. Давно я хотел, а в этом году решился, если буду иметь возможность, поехать на Новую Землю зимовать, т. е. на 10 месяцев. (От парохода до парохода, с начала сентября 1910 г. по начало июля 1911¹.) Цель у меня литературно-художественная. Есть у меня в предчувствии некоторые мысли и настроения из этого, можно сказать, загробного мира, и хочется мне их изобразить.

На это дело мне нужно тысяча восемьсот рублей. И сумму эту я прошу у «Знания» на следующ^{их} условиях: Часть этой суммы — пятьсот рублей — покроется года в два продажей остальных экземпляров 2-го моего тома. (В декабре месяце по первому абцугу продано его 1047 экз^{емпляров}, по 1 янв^{аря} остается 1953 экз^{емпляра}). Остальные тысяча триста рублей буду покрывать тем, что напишу для сборников «Знания» так: половину гонорара мне, а половину на покрытие этого долга.

Вот в чем мое предложение и просьба. Если можете, Алексей Максимыч, то дайте мне возможность съездить. Я буду очень рад и Вам благодарен. И хорошо напишу, ей-богу. Если бы Вы знали, как все это прекрасно и интересно. Ух, какая грозная природа, но какой великодушный и этот заморыш жиловатый самоед или плут-помор. Отчего я не вижу Вас, чтобы Вам все это рассказать.

Кроме того, есть в этом уединении для меня какая-то потребность души. Петербург меня замучил. Уеду я из него, хотя бы для этого пришлось разделаться с семьей. Уеду на Волгу писать деревню. Новое начинается там уже кристаллизироваться. И сделаю это после Новой Земли.

Я в восторге от «Городка Окурова». Ах, как это хорошо! «Лето» не так. Оно, конечно, написано зорким художником и большим мастером, но нет в нем *интимности* жизни, а есть художественная рассудочность, если можно так выразиться. Ну до свидания. Дай вам бог здоровья. Кланяйтесь Марии Федоровне и Константину Петровичу. Жму Вашу руку.

С. Кондурушкин

В(асильевский) О(стров), 6 (линия) 27

На письме пометка Пятницкого: «Отв. 6 фев. 1910».

¹ Эта поездка Кондурушкина на Новую Землю не состоялась. См. п. 31.

30. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

24 февраля (9 марта) 1910 г.

Дорогой Алексей Максимыч!

Сегодня послал Вам для сб<орника> «Знание» рукопись рассказа «Перед праздником»¹. Я не думаю, чтобы он мог быть напечатан в нынешнем сезоне. Но мне необходимо реализовать ее в настоящее время. А потому принимайте рассказ при условии, что контора выдаст мне теперь же триста рублей за лист (в рассказе немного больше листа), остальное по напечатании. Несколько заключительных страниц намерен переделать в корректуре.

Собираюсь Вам написать много о XXIX сборнике², да духом встревожен. Посему откладываю до более благоприятного времени.

Будьте здоровы. Привет Марии Федоровне и Константину Петровичу.

Ваш С. Кондурушкин

¹ Рассказ Кондурушкина «Перед праздником» в сб. «Знания» не печатался. 23 января / 5 февраля 1911 г. Кондурушкин в п. к. Пятницкому просил его возвратить рукопись: «Ныне я не хотел бы его печатать в этом объеме и виде. В нем мало действия, много разговоров, и весь он эпизодичен. Я пишу повесть, которой этот рассказ является частью» (АГ). Пятницкий удовлетворил просьбу автора. Позже рассказ был отдан автором в «Русское богатство», где и опубликован (1913, № 2).

² XXIX сб. «Знания» вышел в свет 29 января / 11 февраля 1910 г. В сборнике напечатано окончание «Городка Окурова» Горького, рассказы Ив. Касаткина «Веселый батя», Гольдбаева «Галчонок», К. Ясюкайтиса «На бульваре» и Н. Каржанского «Цветы», а также стихотворения Ив. Воронова, Бунина и пьеса С. Разумовского (С. Д. Махалова) «Светлое заточение».

31. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

17(30) марта 1910 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Послал я Вам рукопись рассказа «Перед праздником» и письмо. Ответа ожидаю с нетерпением, но до сих пор не имею, хотя современные отсылки прошло уже больше трех недель. Послал я также Конст<антину> Петровичу письмо по поводу гонорара за очерк «В солнечную ночь» и тоже никакого ответа не получил¹. Если он у Вас, передайте ему мою просьбу об ответе и Вас прошу о том же.

На Новую Землю, должно быть, не смогу поехать. Некоторые учреждения предлагают деньги, но пустые. Будь я один, я и на них мог бы съездить. Но семья мешает: ей нужно оставить. Должно быть, поеду куда-нибудь летом на статистику². А жалко мне Новой Земли до слез. Много я там оставил такого, что не успело еще для меня оформиться в художественный образ, но что я предчувствую с наслаждением.

Слышал я, что Вы работаете над новым произведением³. Желаю Вам здоровья и успеха.

Ваш С. Кондурушкин

¹ Речь идет о п. Кондурушкина Пятницкому от 18 февраля / 3 марта 1910 г. о гонораре за рассказ «В солнечную ночь»; «Настаиваю на гонораре в триста рублей за 40 000 букв при сем заводе» (АГ). 19 апреля / 2 мая 1910 г. Пятницкий, касаясь расчетов с автором за рассказ «В солнечную ночь», писал Боголюбову: «Предыдущая повесть „Моисей“ была отдана автором за 1000 р. для завода в 30 000 экз. Подсчитайте, сколько приходится с листа в 40 000 букв. Теперь мы гарантируем не 30 000, а только 20 000,—²/₃ прежнего завода. Возьмите ²/₃ прежнего гонорара,— это и будет справедливая полистная плата с завода в 20 000» (АГ).

² В апреле 1910 г. Кондурушкин совершил поездку на Украину, опубликовав под инициалами С. К. несколько репортажей в газ. «Речь». См. его отчет «Военный парад и крестный ход. Киев, 20 апреля» (№ 110, 24 апр.) и очерки «С богомольцами. От нашего специального корреспондента» (№ 114, 117, 122, 28 апр., 1 и 6 мая). В июне 1910 г. «Речь» приступила к печатанию новой серии очерков Кондурушкина «По Холмщине» (№ 155, 161—163, 167 и 170, 9, 12, 15, 17, 21 и 24 июня). 12 сентября «Речь» (№ 250) помещает очерк Кондурушкина «Притоны сна. Переписка ночлежников», а с 30 сентября (№ 268) по 4 октября (№ 272) в газете появляются корреспонденции Кондурушкина из Ревеля. В декабре 1910 г. он принимает участие в переписи, публикуя статьи «Перепись и обыватель» (№ 343, 14 дек.) и «Перепись и счетчики» (№ 344, 15 дек.). Кроме того, на протяжении 1910 г. Кондурушкин выступает в «Речи» с разного рода информационным материалом (без подписи), «письмами в редакцию» и рецензий на кн. Сургучева «Рассказы», т. 1 (СПб.: Знание, 1910) См. № 328, 29 ноября. Интенсивное сотрудничество Кондурушкина в «Речи» продолжалось и в дальнейшем.

³ В это время Горький работал над повестью «Жизнь Матвея Кожемякина».

32. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

«Капри. Начало апреля 1910 г.»

На мой взгляд, Степан Семенович, — рассказ красив, интересен и — ко времени. Прочитал я его давно уже, задержал К<онстантин> П<етрович>. Он нашел в рассказе некоторые сомнительные места в цензурном отношении: смотрите подчеркнутое синим карандашом на стран<идах> 97-й и следующих. За такие мнения и слова конфискован 16-й сборник; их необходимо сгладить.

Красным же карандашом подчеркнута неопределенность выражения «голый человек». 97-я стр<аница> не противоречит ли 29-й? — спрашивает К. П.

Если вы найдете возможным исправить указанное цензурно опасное, — сделайте это по возможности скоро и пошлите рукопись конторе.

Всего доброго, всего хорошего!

А. Пешков

Датируется по п. Кондурушкина от 17/30 марта 1910 г., на которое является ответом.

После этого письма в переписке Горького с Кондурушкиным наступает длительный перерыв.

33. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

30 января (12 февраля) 1912 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

За два последних года, что не писал вам, мысленно я делал это неоднократно. Даже и писать начинал не мысленно, а пером, да оставались письма неоконченными. Было это мне досадно, но что же делать, так уж выходило. И выходило это так именно потому, что хотелось бы поговорить с вами, повидаться, а не письма писать.

Почти весь прошедший 1911 г. провел в поездках по России¹. «Надо бы проехаться по России» — есть у Гоголя статья². «Надо бы, да денег нет», — приписал карандашом семинарист. Ну, вот и я тоже. Видеть Россию надо и кормиться надо с семьей. Я и избрал путь, на котором возможно соединить обе эти необходимости — работу в газете. В некоторых отношениях способ этот весьма неприятен. Не так ездишь, не так смотришь на жизнь. Но что делать. Чем больше я вижу Россию, тем больше чувствую, как надо ее изучать. Особенно теперь. Интересная теперь стала Россия. Сколь сложнее стала она за эти пять, десять последних лет!

И кажется мне, что Россия, послереволюционная Россия в нашей литературе еще и краешком своим правильно не отразилась. В художе-

ственной цельности не изображен еще тот с первого взгляда незначительный, но все же существенный сдвиг в народной психике, какой произошел за эти семь лет. Изображают по-интеллигентски, как им по разуму кажется, что *должно* быть в жизни народной. Ну, а это плохое художество. И никто еще не изобразил русскую пореволюционную жизнь такой, *какова она есть* на самом деле. Схемы всё еще опутывают и нашу общественную мысль и наше художественное творчество.

В рукоблудии Муйжеля, в его многоверстных писаниях попадаются редкие художественные страницы, но это тогда, когда дело касается внешних сторон быта³. В изображении внутреннего мира он весь ложнозначителен. Он усвоил себе или значительность толстовского отношения к крестьянству (в миросозерцании-то Толстого эта значительность имела свое оправдание), или отрицательное отношение Чехова (не научившись его краткости)⁴, как-то все это смешал и валяет, пишет сотни страниц. И только потому, что все теперь брюхом мужика захотели, — он печатается и сходит за литературу. Уж гораздо ценнее Родионов, хотя столь же мало правдив по существу⁵. Книга Бунина «Деревня»⁶ — во многом книга художника, но ее написал интеллигент, который говорит: «Мне такая жизнь не нравится». Но ведь это же совсем в данном случае не важно, что не нравится вся жизнь, целиком. Не нравится — значит, непонятна, а непонятна — оставь ее в покое.

То всё крестьянство — «Наше преступление», то крестьянство хорошо, а мы — «преступление» в русской жизни. Всегда есть какое-то интеллигентское напряжение, склонность натянуть русскую жизнь на свой кулак. Нет созерцательно углубленного отношения к жизни. А ведь только в созерцании природы, жизни, души человекской и возможно художественное творчество. Конечно, надо при этом любить что-нибудь в жизни определенное. Любовь-то и понимание жизни (безотносительное) в художнике — это та песчинка под коркой жемчужницы, вокруг каковой песчинки наслоится жемчужина. Но для этого нужна *тихая* вода созерцания. Кристаллы тоже роятся в тихой воде. Вот ваш Кожемякин родился в тихой воде созерцания.

Россия интересна, Россия бесконечно нова теперь и интересна! И мне все хочется снова куда-нибудь лететь летом из П^етербурга. Но ведь, черт возьми, надо же работать!

В прошлом году мои художественные работы почти стояли. Теперь я усердно пишу ту самую повесть, ради которой взял у вас обратно свой рассказ. Повесть эта — «Монах»⁷. Общее содержание — монах, пробывший четырнадцать лет на Афоне, внезапно оставил монастырь, возвращается в родное село. С этого повесть начинается. Войти снова в старую жизнь, которая к тому же изменилась, — вот для него жизненная, а для меня — художественная задача. М^ожет б^ыть, к лету закончу, тогда пришлю вам.

В П^етербурге разговоры о каком-то новом журнале вашем⁸, тут же и Мирлюбов, о каких-то новых комбинациях в издательстве «Знание». Литераторы — хуже чиновников сплетники — беда!

Напишите о себе, своем здоровье и планах своих — вот тогда буду знать в достаточности. Примите от нас с женой короб всяких пожеланий. Фотографию свою вы так и не прислали мне, а ведь обещались. Может быть, себя *теперешнего* пришлете? А адрес мой тот же: С^{пб}. В^{асильевский} О^{стров}, 6 л^{иния}, д. 27, кв. 24. Передайте мой привет Марии Федоровне. Крепко жму вашу руку и целую Вас.

С. К он д у р у ш к и н

¹ В 1911 г. в связи с эпидемией чумы Кондурушкин в конце февраля — первой половине марта совершил путешествие в Восточную Сибирь, на Дальний Восток и в Маньчжурию (см. его очерки «В зачумленном крае». Речь. 1911. № 61, 62, 66. 4, 5 и 9 марта). С 3 апреля (№ 91) по 9 апреля (97) печатаются

его репортажи из Китая, а позже из Владивостока (№ 103, 17 апр.) и Харбина (№ 104, 18 апр.). 14 мая 1911 г. Кондурушкин наблюдает певческие празднества в Пскове (№ 133, 17 мая), затем направляется в Самарскую губ. (см.: Самарская газета для всех. 1911. № 97. 16 июня), и в Каменец-Подольск (Речь. 1911. № 167. 21 июня) и Белгород (Белгородские впечатления // Речь. 1911. № 244, 245, 246. 2, 6 и 7 сент.). Наконец, с 23 октября (291) по 22 декабря (№ 351) в «Речи» появляются 12 «Писем о голоде» Кондурушкина, присланных из Самарской губ. и Челябинска.

² Имеется в виду ст. Гоголя «Нужно проезжаться по России» из «Выбранных мест из переписки с друзьями».

³ Виктор Васильевич Муйжель (1880—1924) — писатель. В печати выступил в 1903 г. Первый рассказ «В непогоду» (подписанный собственной фамилией Муйжеля) при содействии А. И. Куприна напечатан в 1904 г. в журн. «Мир божий». По собственному признанию, в начале творчества испытал на себе влияние «Толстого, Горького, Короленко...» (Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М.: кн-во И. Д. Сытина, 1911. С. 122). Творчество Муйжеля в основном посвящено жизни русской деревни. Современная деревня отображена им в рассказах и повестях «Мужичья смерть» (Мир божий. 1905. № 3), «Бабыня жизнь» (Образование. 1907. № 2, 3), «Арешда» (Русское богатство. 1906. № 8, 9) и др. Показывая темноту и забитость русского крестьянства, Муйжель склонен изображать аграрные волнения начала XX в. как «голодные», «стихийные» бунты, быстро подавляемые войсками. Писательская манера Муйжеля «объективна» и «беспристрастна», а изображение им внутреннего мира крестьянина схематично и натуралистично. После поражения революции 1905 г. русская деревня предстает в произведениях писателя все в более и более мрачных, негативных тонах. Так, в рассказе «Дача» (Образование. 1908. № 1) это темная, злая сила, противостоящая городу и угрожающая ему. В 1908—1910 гг. в Петербурге вышло четыре тома «Рассказов» Муйжеля, а в 1911—1912 гг. петербургским изд-вом «Просвещение» напечатано его Собр. соч. в 11 томах. Кондурушкин имеет в виду двухтомный роман Муйжеля «Год», печатавшийся с января по декабрь 1911 г. в «Русском богатстве» (№ 1—12). В этом произведении Муйжель стремится преодолеть свои недавние однобокие и пессимистические представления о деревне; создавая картину социального расслоения и гражданскую войну в деревне в период столыпинских аграрных реформ. Однако и в романе «Год», размышляя о перспективах развития деревни, Муйжель еще не смог полностью освободиться от рецидивов народничества. Муйжель приветствовал Октябрьскую революцию и принимал участие в редактировании издававшегося в 1918—1920 гг. петербургским Советом рабочих и красноармейских депутатов журн. «Пламя». Произведения Муйжеля советского времени под заглавием «Возвращение. Последние рассказы» выпущены ГИЗом в 1926 г. Об отношении Горького к творчеству Муйжеля см. п. 34, прим. 1.

⁴ Имеются в виду, в частности, произведения А. П. Чехова, оказавшие несомненное влияние на Муйжеля, — «Мужики» (1897), «Новая дача» (1898) и «В овраге» (1899).

⁵ Речь идет о книге черносотенца, земского начальника из Боровичей И. А. Родионова «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни», выдержавшей в 1909—1911 гг. несколько изданий. См.: Г—А, Г—СМ.

⁶ Повесть Бунина «Деревня» впервые опубликована в журн. «Современный мир» (1910, № 3, 10 и 11).

⁷ Повесть Кондурушкина «Монах» напечатана в «Русском богатстве» (1913, № 4, 5 и 6).

⁸ Речь идет об организации журн. «Заветы». См.: Г—Ив-Р, Г—Ч.

34. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Капри. 4 или 5/17 или 18 февраля 1912 г.)

Дорогой Семен Степанович,

«Россию изучать надо»? Верно и — ей-богу! — пора! Очень пора и надобно изучать ее с корней, имея в виду не вопрос — какова она? — а вопрос — почему она такова?

Длиннописание Муйжелево не читано мною и едва ли соберусь читать, времени не имею¹.

Тому, что вы про монаха затеяли писать, — рад весьма, очень интересная тема и много может дать. Правда ли, что в деревнях хулиганство растет, как сообщают мне разные, деревенские же, люди?²

Фотографию — пришлю, вот скоро буду сниматься каков есть теперь.

Живут здесь писатели Бунин, Кондубинский, Черемнов, Иткин³, и, в общем, это очень хорошо. Бунин пишет великолепную прозу⁴.

Погода хорошая, на душе — не дурно, весна началась — чего еще надо?

А у вас, в Питере, — не хорошо. Очень не хорошо.

Ну, до свидания и простите за краткое письмо, очень уж некогда писать!

Крепко жму руку и желаю всяческих благ.

А. Пешков

А что касается новых журналов, то оных затевается целых три, но какой будет отсюда толк — сие не ведомо.

Датируется по пометке адресата: «Получ. 11 февр. 1912 г.»

¹ Отношение Горького к Муйжелю не оставалось неизменным. В 1907 г., приняв предложение Горького и Пятницкого редактировать сб. «Знания», Л. Андреев направил Муйжелю письмо с просьбой о сотрудничестве. Горький одобрил этот выбор и в п. к Андрееву от 26...30 июля/8...12 августа 1907 г. назвал Муйжеля в числе других авторов, с которыми Андреев «мог бы сделать хорошие сборники» (ЛН. Т. 72. С. 288). Однако позже, когда весной 1908 г. Муйжель предложил «Знанию» издать сборник своих рассказов, Горький, перечитав отобранные автором произведения, 15...16/28...29 мая 1908 г. писал Пятницкому: «Муйжель с каждым рассказом становится все многословней и скучней. Его художественная сила — не велика, идейное содержание — реакционно. Он романтик, пессимист; он обьят „мистическим“ ужасом пред мужиком и деревней (...) „Грех“ Муйжеля — вещь, плохо выдуманная и к тому же еще испорчена „философией“ Мережковского. „Ничий“ — антидемократичен, как и „Дача“ — как всё. Пусть мещанский романтизм, возникающий для ради того, чтобы ликвидировать страхи вчерашнего дня, — пусть он развивается, если это суждено, — вне „Знания“. По сим соображениям я ответил Муйжелю отказом» (Арх. Г. Т. IV, с. 250). Упоминаемое письмо хранится в АГ.

«Милостивый Государь Виктор Васильевич!

От издания Ваших рассказов принужден отказаться.

Причины — сложны и, вероятно, безразличны для Вас.

Мой привет. А. Пешков.

Стремясь смягчить резкость отказа Горького, Андреев писал в недатированном п. Муйжелю: «Ответ Горького мне не нравится, но и на это не обращайтесь внимания. Причину нерасположения к вам Горького я лично вижу в том, что вы близкий к Арцыбашеву человек и участник „Жизни...“» (ЛН. Т. 72. С. 531). В ст. «Разрушение личности» (1909) Горький, продолжая отрицательно отзываться о рассказе Муйжеля «Дача», тем не менее отмечает, что «показания» его «о мужике наиболее обширны» (XXIV, 75). Если слово «показания» в данном контексте и заключает в себе некоторую негативную характеристику произведений о деревне Муйжеля, то в ст. Горького «О писателях-самоучках» (1911) она исчезает. Обращаясь к начинающим писателям из народа, Горький призывает: «Почитайте Муйжеля, Подъячева, Крюкова, — они современники ваши, они не льстят мужику. Но посмотрите, поучитесь, как надо писать правду!» (Там же. С. 132). Пренебрежительное и неприязненное отношение Кондурушкина к роману Муйжеля «Год» никак не повлияло на интерес Горького к этому произведению. В начале июня 1912 г. Горький в письме спрашивал Муйжеля: «Вышел ли „Год“ отдельным изданием? Буде — вышел — не пришлите ли? Вы доставите мне любезностью этой большое удовольствие» (АГ) 12/25 июня 1912 г. Муйжель ответил: «Вы спрашиваете меня — издан ли „Год“ отдельным изданием. Увы — издан, и я решительно не знаю, как его Вам послать? С ним, или — вернее — со мной, произошло сущее несчастье; в то время, когда книги печатались и верстались, я был в Крыму и не мог следить за всем этим, и получилась такая нелепость, которую никак невозможно было предвидеть; из середины романа, как раз в том месте, где кончается один том и начинается другой (...) выпущена по недосмотру самая существенная глава — VII из XII всех (...) Я не знаю, возможно ли послать Вам роман в таком виде. Мне обещали прислать комплект журнала, я вырву оттуда VII главу, вложу ее и тогда пришлю. А так никак невозможно» (АГ). 16/29 августа 1912 г. Муйжель направил Горькому новое письмо: «Относительно „Года“ — в смущении великом. Ужасно хочу послать Вам его и пишу непрестанно, чтобы мне выслали его в целом виде — и не могу дожидаться...» Спрашивая разрешения выслать Горькому десять томов своих сочинений «с отметками карандашом наиболее важного», Муйжель писал: «Но о „Годе“ мне напишите — об этом я очень бы просил Вас. Эта вещь мне не давалась — она растянулась, изобилует повторениями, колеблется в своей архитектуре — но ею я болен и о ней давно мечтал. В ней я попытался сделать что

мог — кто может сделать лучше — пусть делает...» (АГ). Скоро автор получил ответ Горького: «Сердечное спасибо вам за обещание прислать книги! Хотя я многое читал уже, но это не помешает прочитать все, написанное вами, несомненно хорошим знатоком русской деревни и человеком влюбленным в природу» (АГ).

² На этот вопрос Горького Кондурушкин ответил в печати. В ст. «О хулиганстве в деревне» (Речь. 1912. № 240. 2 сент.) он писал: «Хулиганские выходки случаются и теперь, но реже (...). Оправдать их трудно, но все же в них меньше бесцельной жестокости и бессмысленного разрушительства». Ст. Кондурушкина обратила на себя внимание (см., напр.: Русская пресса. Баку. 1912. № 205. 11 сент.). Александр Яблоновский, возражая Кондурушкину, утверждал: «Деревенское хулиганство растет и вглубь и выше потому, что причины его у всех перед глазами: — Страшно растут города. — Страшно растет бедность народная. — Страшно растет и пухнет русская тюрьма» (Яблоновский А. Деревенское хулиганство // Киевская мысль. 1912. № 272. 1 окт.).

³ Гостивший на Капри Бунин работал в это время над повестью «Суходол». 8/21 февраля 1912 г. состоялось чтение «Суходола», на котором был Горький. Прочитанный Буниным ранее рассказ «Веселый двор», по словам Горького, «превосходно написанный» (см.: Горький — п. Е. П. Пешковой от 3/16 янв. 1912 г. // Арх. Г. Т. IX. С. 134), Горький переслал в редакцию журн. «Заветы» (напечатан в № 1 (апрельском) «Заветов» за 1912 г.).

⁴ Семен Григорьевич Иткин — начинающий писатель. Печатался в «Новом журнале для всех», «Русском богатстве» («Будни. Рассказ о похождениях эмигранта Лойтера» — в № 5 за 1911 г.), газ. «Звезда» (Стихотворение «Океан» («Приближение урагана / Чую в странной тишине...») № 24, 28 мая 1911 г.). Переписывался с Горьким (письма к нему Горького не разысканы). В том же 1911 г. Иткин послал Горькому из Елисаветграда свой рассказ «Прелюдия» для напечатания в сб. «Знания» (не публиковался). В конце июля 1911 г., пересылая В. С. Миролюбову рукопись Иткина для «Современника», Горький писал: «Мне кажется, что автор — даровит, имеет свое лицо. Излишне уместует и полемизирует, доказывал бы свои положения образами, к чему весьма способен. Обласкайте его» (МИ. Т. III. С. 57). После 15/28 ноября 1911 г., пересылая Миролюбову в рукописи рассказ Иткина «Прогулка», Горький приложил к письму записку по поводу содержания рассказа. Отметив стилистические погрешности произведения, Горький писал: «Хорошо по содержанию, но написано торопливо, небрежно (...) Если все это может быть исправлено — рассказ следовало бы принять» (Там же. С. 74). В конце 1911—1912 гг. Иткин жил на Капри. Личное знакомство с ним разочаровало Горького. См. п. Горького Е. П. Пешковой 3/16 января 1912 г. (Арх. Г. Т. IX. С. 132).

35. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
20 марта (2 апреля) 1912 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Недавно я, списавшись с Илиодором¹, ездил по его приглашению во Флорищеву пустынь. Пробыл там у него три дня. Хотелось мне хорошо познакомиться с ним лично. Показался он мне человеком искренним и страстным в своей искренности. Многие сумбурное и дурное, что он делал, стало мне психологически, я бы даже сказал общественно более понятным, ибо Илиодор символичен для настоящей русской жизни в известном, конечно, отношении... Я не собираюсь в письме этом охарактеризовать Илиодора и то, что я почувствовал за ним в жизни, хотел бы только поговорить об одной стороне знакомства моего с ним. Он рассказал мне много интересного о Распутине и его роли в высших кругах, о роли Распутина в деле падения еп. Гермогена² и Илиодора... Но и это второстепенное для меня в данном случае. Самое важное это то, что Илиодор, по-видимому, находится в состоянии большого раздумья и сомнений в той области, где он так недавно страстно веровал, и причиной этого, по-видимому, был Распутин. Этот, по его выражению, «корявый мужичишка гад» огадил в сознании Илиодора многие прежние святыни, за которых он — как иерей, ежедневно молился и ектениях... И вот озлобленный, больной и одинокий, Илиодор порывается теперь написать книгу о Распутине, под заглавием «Святой черт», каковую напечатать за границей³. Книга эта, по его мнению, должна произвести не только грандиозный скандал, но и нечто большее скандала, чуть ли

не политический переворот... Так, он пишет мне во вчерашнем письме, спрашивая моего совета, — писать или нет; а если писать, то как все это сделать? Он решается для этого (оно, конечно, и неизбежно) снять с себя сан монашеский и иерейский. Вот существенная выдержка из его письма:

«Когда прочитал речь Саблера¹, правых негодяев, узнал о телеграмме архиепископа² Антония³ Саблеру, об адресе св. Синода ему же, о том, что выступление Саблера в Г<осударственной> д<уме> в высших сферах принято сочувственно и Гр. Распут<ин> едет в Петербург, то скорби моей, негодованию моему нет предела... Сердце мое так сильно заболело, что я другой день чувствую себя полуживым... Идеалы мои поруганы и втоптаны в грязь. И кем же? Носителями этих идеалов! Посоветуйте, напишите, что мне делать. Я не желаю умереть, не сказавши всей правды... Но сказать в России невозможно, ибо правда моя — действительно правда страшная... Ее придется говорить за границу. Говорить ее надо непременно мне. Значит, само собою напрашивается вывод о моем сане... Я готов на все, ибо у меня отняли все духовное, идеал, чем я жил, и дали мне только ссылку, истрепанные нервы и больное, очень больное сердце...»

По-видимому, он почувствовал ко мне доверие и расположение, и вот спрашивает совета. Я-то считал бы этот выпад его бесплодным, т. е. он не оправдает ожиданий Илиодора. Он думает, что если сказать и доказать, что вот «гад корявый», мужичишко, хлыст Гришка Распутин имеет некое значительное отношение к царской семье, — так уж бог знает как много сделать. Наивно, конечно! Я так и пишу ему, что, по-моему, делать этого не нужно. Кажется мне также, что пишет он мне и спрашивает совета *на всякий случай*, в своем отчаянии. Как бы ни доверял он мне, как бы ни расположился, все же виделись мы с ним в монастырской келье в течение трех дней. Письмо его свидетельствует о том, что: он теперь в состоянии некоторого душевного перелома. Последует ли он моему совету и оставит ли затем произвести новый и почти бесплодный шум — не знаю. Обратится ли он снова ко мне — тоже не знаю. Но пишу я вам обо всем этом по двум причинам. Во-первых, — м<ожет> б<ыть>, это вам не безынтересно. Во-вторых, — вы осведомлены об условиях и возможностях вот такого сорта заграничных изданий. Как бы это можно было Илиодору сделать, если бы он не отказался от мысли своей написать и издать вышеназванную книгу?

Ну вот, дорогой Алексей Максимыч, напишите мне ваше мнение и соображения. И будьте здоровы. Крепко жму руку. Привет вашей супруге.

С. Кондурушкин

СПб. В<асильевский> О<стров>, 6 л<иния>, 27

¹ Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов, 1880—1952) — иеромонах, по происхождению казак Донской области, потомственный почетный гражданин. Монашество принял в ноябре 1903 г. В 1905 г. окончил Петербургскую духовную академию. Во время учения в академии пользовался расположением епископа Феофана (одно время духовника царской семьи и ректора академии). У Феофана Илиодор в 1904 г. впервые встретился с Г. Распутиным. После окончания академии был направлен преподавателем в Ярославскую духовную семинарию. За погромные речи против евреев и поляков Илиодор после конфликта с законоучителем Ярославского кадетского корпуса А. М. Кремлевским (на сторону последнего встал ярославский губернатор) был переведен в Почаевскую лавру на Волынь к архиепископу Антонию Храповицкому, у которого обучался искусству церковного красноречия. В 1907 г. участвовал в редактировании «Почаевских известий» и «Почаевского листка». Печатавшиеся в 1907 г. в черносотенных газетах «Русское знамя» и «Вече» статьи Илиодора, в которых он, выступая в роли «охранителя царского престола», демагогически повсюду административные власти за их якобы недостаточную службу «парю-батюшке», привели в смущение власть церковную, и 17 апреля 1907 г. Илиодор был вызван к митрополиту Петербургскому и Ладожскому Антонию для увещевания. Антоний предложил Илиодору «не касаться политики», запретил литера-

турную деятельность и пригрозил лишением сана и монашеского звания. Так как Илюдор нарушил запрет и в ст. «Мое оправдание перед высокими судьями» (Русское знамя. 1907. № 64, 65) назвал митрополита Антония «предателем», а постривавшего Илюдора в монахи архиепископа Финляндского Сергея «трусом», в особом присутствии синода против Илюдора было начато дисциплинарное дело, довольно скоро прекращенное производством, ибо к этому времени Илюдор успел заручиться расположением к себе со стороны императрицы Александры Федоровны. По ее протекции Илюдор получил назначение в саратовскую епархию к епископу Гермогену. Выступление Илюдора в 1907 г. на монархическом съезде в Москве с нападками на министра внутренних дел и председателя совета министров П. А. Столыпина, председателя погромного черносотенного «Союза русского народа» А. И. Дубровина и редактора монархических «Московских ведомостей» В. А. Грингмута еще больше обострило конфликт Илюдора с гражданской властью. Обосновавшись в Царицыне, он усиленно помогал Гермогену в его войне с саратовским губернатором графом С. С. Татищевым, который в конце концов был вынужден уйти в отставку. 10 августа 1908 г. Илюдор был инициатором избиения интеллигенции во время молебствия «о прекращении холеры» в Царицыне. За новый выпад против Столыпина в марте 1909 г. был переведен синодом из Царицына в Минск, но вместо Минска направился в Петербург, получил поддержку Г. Распутина, был принят царицей и добился отмены синодом старого решения. Осенью 1909 г. принимал Распутина в Царицыне, пригласил его к себе на родину в село Покровское и 29 декабря 1909 г. устроил Распутину пышные проводы. Вновь встретился с Распутиным в 1910 г. в Саратове. Еще более осложнились отношения Илюдора с обер-прокурором синода С. М. Лукьяновым и новым саратовским губернатором Стреломуховым. Под давлением Столыпина синод перевел Илюдора на новое место — настоятелем Новосильского монастыря в Тульской губернии. Прожив в монастыре три недели, Илюдор бежал в Царицын, где укрылся со своими сторонниками в монастырской церкви. «Великое сидение» продолжалось двадцать дней. 3 апреля 1911 г. митрополит Антоний телеграфировал из Петербурга о разрешении Николаем II Илюдору «возвратиться в Царицын из Новосилья». Обер-прокурор синода Лукьянов ушел в отставку. Во второй половине мая 1911 г. Илюдор по просьбе Николая II отслужил всенощную во дворцовой церкви в Петербурге и произнес проповедь, которая произвела большое впечатление на царскую семью. Царь обещал в скором времени возвести Илюдора в сан митрополита. Такой успех вскружил Илюдору голову. Намереваясь «убрать» со своего пути Распутина, пользовавшегося все большим влиянием при царском дворе, Илюдор приступил к сбору материалов, компрометирующих своего покровителя. К заговору Илюдора против Распутина присоединились епископ Гермоген, ставший членом синода, юридий Митя Козельский, обиженный охлаждением к себе со стороны царицы, и писатель-черносотенец И. А. Родионов. 16 декабря 1911 г. на квартире Гермогена заговорщики силой заставили Распутина покаяться в грехах и дать клятву никогда больше не переступать порог царского дворца. Распутин телеграфировал Николаю II, что Илюдор и Гермоген пытались его убить. На просьбу заговорщиков принять их для объяснения царь ответил отказом. 17 января 1912 г. Гермоген и Илюдор получили распоряжение синода, по которому Илюдор ссылался из Царицына во Флорищеву пустынь, а Гермоген — в Жировецкий монастырь во Владимирскую губернию. Хотя Илюдор находился во Флорищевой пустыни под стражей, это не препятствовало ему принимать своих сторонников и почитателей, рассылать многочисленные письма и телеграммы с жалобами и протестами. При этом Илюдор настаивал на том, чтобы его «послания» публиковались в газетах, распространялись в списках. Илюдор продолжал яростно поносить Распутина, называл своим «врагом» нового обер-прокурора синода В. К. Саблера. В письме, опубликованном в «Биржевых ведомостях» (1912, № 13222, 30 окт.), Илюдор уверял, что страдает «за честь царя-батюшки», но бывшего расположения к себе царской семьи он вернуть уже не мог. Через несколько месяцев Илюдор направил в синод письмо, в котором заявлял, что отрекается от бога и просит снять с него сан. 3 декабря 1912 г. Илюдору был вручен указ владимирской консистории о лишении его сана и монашества. «Мирянином» Сергей Труфанов возвратился на родину. После покушения на Распутина 29 июня 1914 г. подосланной Илюдором богомолки-кликуньи Хионии Гусевой Илюдор бежал за границу. 26 сентября/9 октября 1914 г. из Христиании (Осло) направил письмо революционеру-эмигранту А. Л. Теплову, в котором писал: «Получивши обвинительный акт по 73, 74, 103 и 102 ст., я 2 июля убежал из России через Финляндию».

Переправили меня через границу Горький и Пругавин. Просили и приказывали мне, как можно скорее писать книгу о Распутине и царице (...) Сейчас книга почти готова: остановка только за документами, находящимися в Финляндии у моей супруги. Книга называется „Святой черт“ — (на ... знаменитого „старца Русского Двора“ — Распутина... из личных наблюдений и воспоминаний рассказанного другими).

В этой книге я сказал ужасную и интересную правду о Распутине, правду, которая даже и за границей еще не известна.

На основании документальных данных я, насколько мог, доказал, что Распутин развратный мужик, пакостник, живет с царицей Александрой и родил от нее наследника Алексея, и что Распутин — неофициальный Русский император и Патриарх Российской церкви.

Размер книги — приблизительно 10—15 печатных листов (ЦГАОР, ф. 1721, оп. 1, ед. хр. 67. Сообщено А. И. Чарушниковым). В этом же письме Илиодор сообщает о своей встрече в Христиании с направляющимся в Россию В. Л. Бурцевым и приводит полный текст врученного ему 20 сентября 1914 г. письма-рекомендации Бурцева издать представляющие «огромный общественный интерес» рассказы Илиодора о пережитом. В АГ хранится два п. Илиодора Горькому из Норвегии (от 25 и 29 июля 1914 г.) с жалобами на безденежье и просьбами о материальной помощи.

Кондурушкин написал Илиодору в конце февраля 1912 г. и в начале марта получил от него приглашение приехать во Флорищеву пустынь. Первая встреча Кондурушкина с Илиодором состоялась 7 марта 1912 г. Илиодор сказал ему: «Пишу о Гришке Распутине (...) Гришка — эдакий мужичишка корявый, гад и вдруг! (...) Над министрами Гришка министр, над владыками владыка! Господи, боже, что такое творится. С ума можно сойти» (Кондурушкин С. Мятущийся Илиодор // Речь. 1912. № 88. 1 апр.). Снова побывал Кондурушкин во Флорищевой пустыни в июне 1912 г. Явно преувеличивая значение конфликта Илиодора с верховной административной и церковной властью и сочувствие опальному иеромонаху части верующих, Кондурушкин спрашивал: «Что же такое Россия, если в этом случайном сбросе людей *вчерашнего* города нашлось столько сил к единению духовному и материальному строительству?» (Кондурушкин С. Илиодоровцы // Речь. 1912. № 252. 14 сент.). По мнению Кондурушкина, Илиодор «человек одной узкой, напряженной, охватившей всю его душу идеи, идеи простой, в уровень народным массам (...) был тeneвой стороной, *неагитом* русской революции». Кондурушкин полагал, что, отмахиваясь от Илиодора и его почитателей, интеллигенция отмахивается и «от нового знания о народе нашем» (Там же. 1912. № 267. 29 сент.). Позже Кондурушкин выступил с докладом «О народной вере» на собрании Религиозно-философского общества в Петербурге. Излагая содержание этого доклада, репортер «Речи» пишет: «Отличительными особенностями идеи Илиодора докладчик считает: в религиозной сфере — аскетизм с хлыстовским элементом (...) а в социальной сфере — демократизм, соединенный с верой в идеальное самодержавие, не угнетающее, а благотворительствующее народ. Популярность Илиодора объясняется тем, что он народен именно этими элементами своей веры, искренне верует сам и заразил верою народ (...) Интеллигенция не поняла народности илиодоровского движения и не сумела им воспользоваться» (И. К. В Религиозно-философском обществе // Речь. 1912. № 313. 14 нояб.; См. также: Апология Илиодора и илиодоровщина. В Религиозно-философском обществе // Биржевые ведомости. 1912. № 13245. 13 нояб.). Доклад Кондурушкина вызвал оживленные прения, которым было посвящено полностью третье заседание Религиозно-философского общества. Против Кондурушкина выступило 14 ораторов (Д. Мережковский, В. А. Чудовский, А. В. Карташев, В. Д. Кузьмин-Караваев, проф. А. Н. Быков, проф. В. В. Успенский и др.). Кондурушкина, в частности, упрекали в том, что он занимается «реальной политикой». Мережковский нападал на Илиодора за то, что признанием абсолютного царя земного он отрекается от Христа. Д. Философов, хотя и не согласился с выводами докладчика, взял Кондурушкина под защиту: «Он просто призывал общество к более внимательному изучению проблемы. И это с его стороны большая заслуга» (Философов Д. Илиодор и Булгаков // Речь. 1912. № 317. 18 нояб.).

² Гермоген (Григорий Ефимович Долганов, 1858—1918). В 1892 г. окончил Петербургскую духовную академию, еще в стенах академии принял монашество. В 1892 г. посвящен в иеромонахи, в 1900 г. возведен в сан епископа. С 1903 г. возглавлял Саратовскую епархию. С церковного амвона поносил «богохульные» сочинения Л. Толстого, Ч. Дарвина и Э. Ренана, издавал погромный «Братский листок», травивший интеллигенцию. В 1909 г. возглавлял кампанию черносотенного духовенства и монархистов, требовавших запрещения постановок на сцене пьесы Андреева «Анатэма». Был организатором еврейского погрома в Саратове. После роспуска I Государственной думы приказал духовенству служить благодарственные молебны. В 1912 г. за выступление против Распутина встал в немиловость и был переведен из Саратова в Гродненскую губернию, в Жировицкий монастырь. Защищая Илиодора, в беседах с журналистами, письмах в синод и гражданской администрации Гермоген, однако, проявлял известную осмотнительность, выгораживая самого себя. Так, когда стало известно о письме Илиодора синоду с нападками на высшие церковные власти, Гермоген публично пригрозил предать Илиодора и его сторонников анафеме.

³ Написанные Илиодором за границей воспоминания «Святой черт. Записки о Распутине» в России были опубликованы в журн. «Голос минувшего» (1917, март).

⁴ Владимир Карлович Саблер (Десятовский, 1845—1929) — статс-секретарь, с 1905 г. — член Государственного совета. В 1911—1915 гг. — обер-прокурор синода.

⁵ Имеется в виду Антоний Волынский (Алексей Павлович Храповицкий, 1863—1936) — с 1902 г. архиепископ Волынский и Житомирский, позже — архиепископ Харьковский. В 1906—1907 гг. член Государственного совета, с мая 1912 г. — член синода. Крайний монархист и черносотенец. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

36. ГОРЬКИЙ — КОНДУРУШКИНУ

(Париж. Около 26 марта/8 апреля 1912 г.)

Дорогой Семен Степанович!

Мне кажется, — более того — я уверен, что книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу.

И я очень настаивал бы, — будучи на вашем месте, — чтоб Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границей я берусь¹

Действуйте-ко! Право же, это очень хорошо!

Сижу в Париже², завален делишками, очень устал в этом скучном городе.

Будьте здоровы. Пишу столь кратко потому, что не имею времени затылка почесать.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по п. Кондурушкина от 20 марта / 2 апреля 1912 г.

¹ См. п. 35, прим. 4.

² Горький приехал с Капри в Париж 17/30 марта 1912 г. и оставался там по 5/18 апреля 1912 г. 7/20 апреля 1912 г. Горький возвратился на Капри.

37. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.

7<20> ноября 1912 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Посылаю Вам одновременно с этим письмом часть (²/₃) рукописи повести «Монах». Остальное имеется в набросках, и окончание работы — дело месяца-полтора. Посылаю же заранее потому, что с «Знанием» при отсутствии на месте главного руководства, разговоры, обыкновенно, бывают долгие. А мне нужно напечатать повесть этой зимой.

Хотел бы сговориться о следующем:

1) Если найдете повесть подходящей для сб<орника> «Знания», принимайте под условием напечатать ее не позднее февраля 1913 года.

2) С. П. Боголюбов говорил мне, что сб. «Знания» печатаются теперь в десяти тысячах экземпляров. Гонорар при этом тираже — двести рублей за лист.

3) Взятый мной под возвращенную мне рукопись рассказа аванс (триста рублей) зачесть (как это я проектировал Пятницкому в виде одной из возможностей) в плату за непроданную часть второго тома моих рассказов.

Здесь мной печатается около 5¹/₂ печ<атных> листов. Вся повесть будет никак не больше (немного меньше наверное) восьми печатных листов по сорок тысяч букв.

Вот какое мое строгое письмо. Что делать, ашать-машать надо, как говорят татары.

За Илиодором я слежу. Думаю, что он еще попадется на мою «удочку», не уйдет. Изредка он присылает мне известия, письма и кой-какие «дела». Чувствует ко мне расположение. Я тоже сердечно

им заинтересован. Письмо Ваше о нем ко мне помню. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Черт возьми, как много в этих словах исторического смысла!

Ну будьте здоровы. Не замедлите вестью о моем деле. Вы — «обещатель», сколько раз обещали прислать свою фотографию, да так и не исполнили.

Напишите о себе. Странно, что Вы, судя по объявлениям, печатаете «Сказки» не в «Знании», а в ином книгоиздательстве? Жму руку. Привет Марии Федоровне.

С. Кондурушкин

СПб. Васильевский Остров, 6 л(иния), 27, кв. 24
Степану Семеновичу Кондурушкину

¹ С 28 декабря 1910 г. в русских периодических изданиях началась публикация сказок Горького, объединенных позже в две книги — «Сказки об Италии» и «Русские сказки». При первой публикации сказки, составившие цикл «Сказок об Италии», имели или самостоятельные заглавия, или общее «Сказки» (с авторской нумерацией, не совпадающей с окончательной). «Русские сказки» печатались под общим заглавием «Сказки». Первое отдельное издание «Русских сказок» вышло в Берлине, в изд-ве Ладыжникова в 1912 г. Кондурушкин, по-видимому, имеет в виду «Сказки об Италии». Только одна (пятнадцатая) сказка из этого цикла впервые была опубликована в XXXVIII сб. «Знания» (СПб., 1912). Под заглавием «Сказки» «Сказки об Италии» почти одновременно (в ноябре 1912 г.) вышли в Берлине, в изд-ве Ладыжникова, и в России, в Книгоизд-ве писателей в Москве.

38. КОНДУРУШКИН — ГОРЬКОМУ

СПб.
30 января (12 февраля) 1913 г.

Дорогой Алексей Максимыч.

Еще седьмого ноября прошлого года послал я вам листов пять рукописи повести моей «Монах» и никакого отзыва о ней ни от кого не получил. (Я и Пятницкому писал недавно о посылке Вам рукописи. И он молчит¹.) Повесть-то я закончил, но, очевидно, вы не рассчитываете ею воспользоваться. Пожалуйста, верните рукопись. Но все-таки не откажитесь сказать, если читали, какое впечатление произвело прочитанное.

Очень жаль, дорогой Алексей Максимыч, что «Знание» замирает. Старые члены расползлись, вы оба с Пятницким далеко.

Что бы вам собрать вокруг себя человек пять-шесть писателей — эдакое новое товарищество в старую издательскую фирму вложить. Мне кажется, это составило бы снова сильное литературное течение. И только разбродом реалистической школы, а в частности издательства «Знание», можно объяснить многое сумбурное в современной литературе последнего времени. Многие последние сборники «Знания» носили совершенно случайный, сбродный характер и составлялись из вещей громадного художественного различия².

Сюда доходят слухи о разладе между вами и Пятницким, и это очень жалко³. Вообще, было бы прямо преступлением перед русской культурой, если бы литературно-художественный центр «Знания» распался совершенно. Это значило бы — рассеять в пространстве большую накопленную энергию и собирать ее снова с большими усилиями в другом месте.

Я извиняюсь, м(ожет) б(ыть), я говорю то, что вы и сами думали (даже наверное), и это вам больно. Так не сочтите за грубость. Я тоже говорю о том, что у меня болит, и пишу вам это не в упрек.

Недавно встретился с Грузенбергом (О. О.)⁴. Он говорит, что амнистия будет пустяковая⁵ — только уменьшение наказаний. По крайней мере так до сих пор. Он считает, что вы могли бы вернуться, рискуя

очень немногим. Говорил, что вы и раньше отказывались от этого по тем соображениям, будто вам в Россию не хочется вернуться...

В вас два человека, А<лексей> М<аксимович>. Один рассуждающий, а другой чувствующий и понимающий широко и глубоко. Но рассуждающий в вас пренебрежительный субъект. И самим вам часто надоедает. Иногда предупредит *понимающего* и насаждает всякого вздору. Ну, а вам-то и неловко его осадить: все же ведь «родственник»...⁶

Перечитал я письмо и подумал: вот рассердится человек и пошлет к чертовой матери. Скажет: «совсем мы уж не так близки, чтобы у вас (т. е. это у меня) было право такое говорить!» Ну уж написал. Так и пойдет. Будьте здоровы. И не сердитесь, а напишите. Ведь напрасно не пишете.

Ваш С. Кондурушкин

Адр(ес): В(асильевский) О(стров), 6 л(иния), 27, кв. 24.

Степану Семенов(ичу) Кондурушкину

¹ 14 января 1913 г. Кондурушкин писал Пятницкому: «Более двух месяцев назад (7 ноября 1912 г.) я послал Алексею Максимовичу письмо, а с ним одновременно я около пяти с половиной листов новой повести моей „Монах“. И до сих пор от него не получил ни да ни нет, ни просьбы прислать окончание, ни рукописи обратно» (АГ).

² Сб. «Знания» прекратились на сороковой книге, вышедшей 29 января 1913 г. Содержание последнего сборника составили пьеса С. А. Найденова «Роман тети Ани», стихотворения С. Астрова и роман А. Золотарева «Во едину от суббот» о русских эмигрантах в Париже, одобренный Горьким.

³ Отношения между Горьким и Пятницким еще более осложнились после п. Горького к Пятницкому от 5/18 ноября 1912 г., в котором он извещал, что уполномочил Ладыжникова выяснить свое материальное положение в «Знании» (Арх. Г. Т. IV. С. 277). В новом п. Пятницкому от 23 ноября/6 декабря 1912 г. Горький настаивал на том, чтобы Ладыжников был «допущен к проверке того состояния, в каком находятся средства, вложенные» Горьким в «Знание». Горький писал: «...я имею право знать, кто и как распоряжается моими деньгами...» (Там же. С. 277). Последовавшая за этим ревизия кассовых книг «Знания» и другой документации подтвердила необоснованность подозрений Горького о недобросовестном ведении Пятницким, как директором-распорядителем издательства, его денежных дел в «Знании». Только в 1936 г. между Горьким и Пятницким возобновилась переписка. 9 апреля 1936 г. Горький писал ему: «Сильно взволнован письмом Вашим, дорогой друг Константин Петрович. Вероятно — это я первый должен был написать письмо, подобное Вашему, и послать Вам... Я глубоко ценил Вашу дружбу. И — продолжаю ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно расшатывали ее „третьи лица“. Но мы не станем слагать на них нашу вину друг перед другом — виноваты же мы в том, что не нашли возможным поговорить о „наших разногласиях“ открыто, искренно, до конца...» (ЛЖТ. Вып. 4. С. 584).

⁴ Оскар Осипович Грузенберг.

⁵ Имеется в виду ожидавшаяся амнистия в связи с исполнявшимся в 1913 г. трехсотлетием царствующего дома Романовых. Датированный 21 февраля 1913 г. указ Николая II правительствующему Сенату об амнистии в тот же день был опубликован в «Правительственном вестнике» (№ 43).

⁶ Это утверждение положено Кондурушкиным в основу его ст. «Чужой ум» (Речь. 1916. № 120. 3 мая), в которой содержится нападки на ст. Горького «Две души», опубликованную в журн. «Летопись» (дек. 1915 г.).

ИЗ ДНЕВНИКА С. С. КОНДУРУШКИНА (1908 г.)

НА КАПРИ

1908. Июнь. Нов(ый) ст(иль). 25 веч(ером)

Пристань. Ветер. Качает. Лодки. Мокрая набережная. Тесный ряд гостиниц на берегу. Видна вилла в зелени на возвышении. «Не там ли живет Горький?» — думаю.

Спросил. Горький живет на другой стороне города, т. е. на другой стороне острова. Фуникулером. Мальчик довел до решетчатой двери. Взял карточку. Через минуту слышу торопливый голос. Встречает высокий сухощавый человек, стриженный наголо, в лиловой рубашке и белых с полоской брюках. Сбегает и смотрит пристально, ибо уже серо стало, вечер.

— Ага, вот вы какой! Ну здравствуйте.

— И вы вот какой! — сказал я.

Поцеловались.

За столом человек шесть. Трое юношей, девица, жена (А(ндреева)) Горяпыча и он¹. Ходил попугай по столу и ел с тарелки Горького.

— Надолго ли на Капри?

Говорили немного о литературе и отд(ельных) произведениях. Об Андрееве. Он очень осуждал «Семь повешенных»². Но неубедительно. Говорил: не революционеры у него. И на одной доске с грабителями умирают.

Говорили часов до 11. После ужина перешли на площадку. Внизу серое море. Темные скалы в воде. Огни — ловят тротров рыбаки.

26(июня)

Утром мальчик часов в 9 сказал мне, что кофе пьют. Разговаривали после кофе вдвоем с А(лексеем) М(аксимовичем) до завтрака на площадке.

У него такая уверенность, что вот мир разваливается, общ(ественная) жизнь развертывается, складывается в социальный строй. И соврем(енные) явления мировой и русской жизни его раздражают. Он их осуждает.

Мне все время представлялось, что мысль его перешла в схему и лишилась корней в русской жизни, потеряла запах земли и жизни.

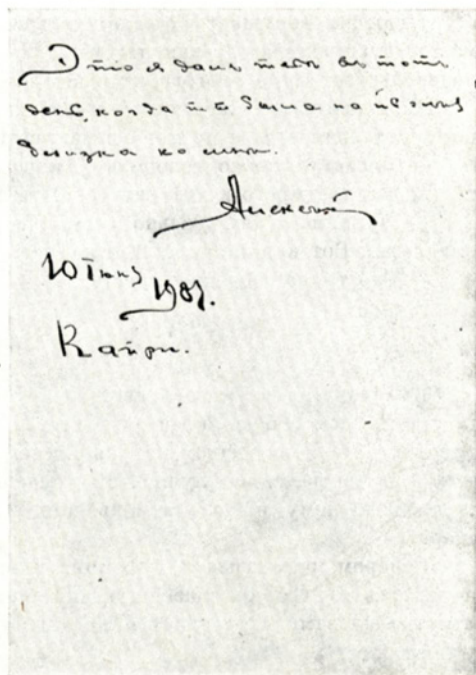
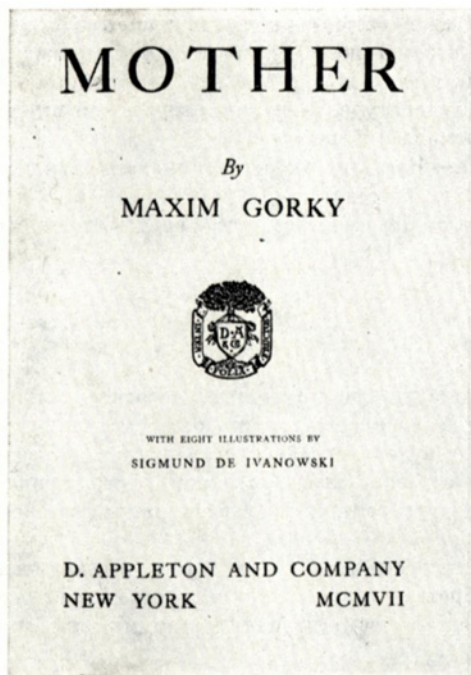
Но когда он говорит о худож(ественной) литературе, то волнуется. Часто на глазах у него наворачтываются слезы. Заражает этим чувством. Рассказывал о Толстом — как читал ненапечатанную повесть (Хаджи?)³.

Там описывалась любовь, нежность чувства плотского. Когда читал Толстой, то заплакал и говорит сам о себе: «Хорошо написал старый черт. Хорошо». Горький часто повторяет по два раза слова.

Говорит на «о».

«Никто, вероятно, кроме меня, не читает столько рукописной литературы рабочих, крестьян, мастеровых⁴. И как все это любопытно. Напр(имер), один сапожник описывает, как он был на луне, и любопытно описывает. Другой библейским языком рассказывает, как он был в ссылке. Начальство: «Не работа ваша нужна, а кровь». Если кто убежит из десятка, то остальных расстреливают. Убежали трое. Семерым солдат говорит: «Становитесь в затылок». И одной пулей уложил всех. И вот произошла перемена. Солдаты стали слушаться рабочих, и начальство оказалось у рабочих в подчинении... Хорошие пишут вещи, хорошие. Конечно, напечатать нельзя, а интересно. Проснулся народ!»

Показывал англ(ийское) издание «Мать» за 3 доллара!⁵

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
НА АМЕРИКАНСКОМ ИЗДАНИИ ПОВЕСТИ «МАТЬ»

Нью-Йорк, 1907

Архив Горького, Москва

Понимает, что его произведения в России успехом не пользуются, но, кажется, объясняет это не тем, что они малохудожественны, а что в России упадок настроения.

«Мать» признает слабой вещью⁶.

Просил меня высказать свое мнение по поводу «Исповеди», которую теперь читаю. (Заграничное издание на русск(ом) языке⁷.)

Ездили на лодке ловить рыбу. Я скоро свял: качает и жарко. Вечером приехал какой-то соц(иал)-демократ Леонид Борис(ович) (Николаевич?)⁸.

Горький с уверенностью говорил, что скоро будет война. Они поспорили. Его оппоненты отрицали. Когда я сказал, что мы теперь переживаем время зарождения новой религии, социалист(ической). Бог — человечества коллектив! Рай — земля, — Горький охотно подхватил, согласился. Но соц(иал)-дем(ократы) набросились. «Машина, материализм — а вы — религия». Разговор свели на то, что им по партийным соображениям неудобно называть социализм — религией. А что скажет Миллюков!⁹ Как они используют это. Одним словом — так тупо и ограниченно. А Горький говорит про этого гостя, что это «умный человек». «С головой!» Господи, какая ограниченность! Говорит, точно прокламацию пишет.

Горький говорит:

— Нам, русским, в ближайшем будущем принадлежит гегемония над Европой, гегемония интеллектуальная. Они (евр(опейцы)) выдохлись, а у нас богатство духовных сил и свежесть. Они к нам обратятся.

К этой мысли он обращается часто.

Горький:

— Впечатления детства имеют громадное значение в жизни человека. Я вот никак не могу отрешиться от пейзажа, знакомого с детства. Начну описывать сухопутный пейзаж, смотрю — выходит все та же Сивая грива. Как ни повернусь, с какой стороны ни начну — все она вылезает.

Андреева окружает Горького лестью. Она вместо: «как ты говоришь или думаешь?» спрашивает: «как ты учишь?» Ну какой же он учитель! Она выражает недовольство, когда он говорит о чем-нибудь просто и искренно — «Я не понимаю!»

Шел разговор о женщинах и женской литературе. Горький говорит, что он не понимает женщины и не мог бы написать романа с женщиной.

— Досадно только говорить (Андреева).— Как это ты не понимаешь! Ты, который дал так много в литературе. И ты бы не написал?!..

— Я написал бы. Только все куры стали бы смеяться, все Европы стали бы смеяться... Вот видишь ли... А я написал бы...

— Это ты на себя клеветешь...

И т. д.

28(июня)

Говорю, что собираюсь свить себе где-нибудь гнездо, купить десятину земли, построить дом. Горький говорит, что он тоже собирался, но никак не может остановиться на одном каком-нибудь месте. «Здесь хорошо, а в другом месте еще лучше, а в третьем еще лучше. И думаешь: совьешь гнездо в одном месте, привяжешься к нему и не увидишь других. А тут земной шар ведь, целый земной шар!»

Вечером рассказывал Горький, вспоминал кое-что из прошлого, рассказывал анекдоты. В его рассказе пустяки приобретают значение. Он рассказывает не столько словами (рассказ его не гладок, слова часто неудачны), но мимика, тон голоса, жесты.

— Сидим в парижском ресторане, неподалеку пьяный. Видно: русский. Хочет выйти, натывается на стены, зеркала. Подходит к нам. Заплетающимся языком: — Господа! Вы, вероятно, знаете этот местный язык. Скажите, пжалста, которое тут зеркало и где дверь?..

Случай, как Горький, Чехов, Алексин и Васнецов путешествовали по Кавказу¹⁰. Нет лошадей. Подходит русский мужичок. Говорит: есть лошади, только одна хромает. «Но на ней можно ехать-то, можно». Поехали. Тихо. Раздражение. Ответ мужика: «В гору таперича, а вот под гору шибко поедем». Перевалили. Поехали. Обернулся мужик, остановил лошадей, говорит: «Ну на эндакой лошади не дое-э-э-демь. Нет...» Сидели три часа. Он ездил за другой лошадей, верхом на хромой. Сидели, не смотрели друг на друга.

17/30 июня

Горький устроил рыбную ловлю. Уехали на целый день. Рыбаки закинули для нас с утра 10 переметов, — корзины для раков. Поехала вся дом(ашняя) прислуга. В гроте завтракали и обедали. На переметы попалась молодая акула, звезды, кораллы. Последние — мне. В корзинах креветки. Завтракали, купались, спали. Снимались. Группами. Картины: жертвоприношение Исаака; Горький — Авраам, Зин(овий) — Исаак, Ал(ександр) Ник(олаевич) — баран, Леон(ид) Бор(исович) — ангел. Потом Пьяного Ноя: я — Ной, Горький — Хам и др.

Ночью ловили тотров. Тихое море. Горы точно застывшие фонтаны воды. Дивная ночь.

— Как же это вы, Ал(ексей) Макс(имович), по-итальянски не выучились до сих пор?

Андреева:

— Да ему не нужно. А то он бы через месяц знал. (Обиженно). Да он знает, только не говорит...

Горький:

— Хочу написать деревню. Это мой долг перед ней. Нет правильного изображения деревни. В особенности она в загоне.

ШУТОЧНАЯ СЦЕНА: «ПЬЯНЫЙ НОЯ»

Изображают: Горький — Хама, Кондурушкин — Ноя, Л. Б. Красин — Сима, А. Н. Тихонов — Пафета.

Фотография Ю. А. Желмбужского,
Капри, 1908

Музей Горького, Москва

В Америке одна газета предложила Горькому писать у них по 100 долларов столбец. Условие. Он не обратил внимание. Оказалось, что там написали не за столбец, а за статью. Так бы и получили за 3 статьи по 100 долларов.

«Город Желтого Дьявола»¹¹ написан был для американской газеты. Г(орьк)ий получил много писем с выражением негодования. Многие приклеивали письма на ворота. Говорят: нет голодных в Нью-Йорке. Говорят: другие пишут худое об Америке, когда уедут, а этот сидит здесь и пишет...

Дневник С. С. Кондурушкина хранится в ЦГАЛИ (ф. 231).

Авторская копия этих записей, выполненная по просьбе А. Н. Тихонова, хранится в АГ.

¹ М. Ф. Андреева и Горький.

² Имеется в виду «Рассказ о семи повешенных» Андреева, впервые опубликованный в Литературно-художественных альманахах изд-ва «Шиповник» (кн. 5. СПб., 1908). С посвящением Л. Н. Толстому вошел в Собр. соч. Андреева (СПб.: Шиповник, 1909, т. 6). Обличающий контрреволюционный террор в России после поражения революции 1905 г. «Рассказ о семи повешенных» был непосредственным откликом Андреева на казнь 17 февраля 1908 г. семи участников «боевого летучего отряда», готовивших покушение на министра юстиции И. Г. Щегловитого. Покушавшиеся были выданы властям провокатором Евно Азефом. С руководителем группы молодым астрономом Вс. Лебединцевым Андреев был лично знаком. Рассказ был закончен Андреевым 16 марта 1908 г. Считая проблематику произведения (протест против смертных казней) очень важной, Андреев написал к «Рассказу о семи повешенных» своеобразный комментарий (Из письма // Эпоха, 1908, 15 сент.) и с 1 января 1909 г., отказавшись от авторских прав, разрешил свободную перепечатку рассказа (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. № 10678. 28 авг.). 1—2 июля 1908 г. в беседе с приехавшим на Капри А. А. Измайловым Горький сказал об Андрееве: «Я, например, не считаю „Рассказ о семи повешенных“ очень ему удавшимся» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1908. № 10590. 6 июля). Позже, в ст. «Разрушение личности» Горький писал: «Революционеры „Рассказа о семи

повешенных" совершенно не интересовались делами, за которые они идут на виселицу, никто из них на протяжении рассказа ни словом не вспомнил об этих делах. Они производят впечатление людей, которые прожили жизнь невероятно скучно, не имеют ни одной живой связи за стенами тюрьмы и принимают смерть, как безнадежно большой ложку лекарства» (24, 63).

³ Ошибка Кондурушкина. Речь идет не о повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат», а о варианте сцены из «Отца Сергия» (Маковкина у отшельника), которую Толстой прочитал по рукописи Горькому в Крыму в 1901—1902 гг. См. очерк Горького «Лев Толстой» (16, 300).

⁴ За время с 1906 по 1910 г. Горьким было прочитано более четырехсот рукописей писателей из народа. Обзору их творчества он посвятил статью «О писателях-самоучках».

⁵ По-видимому, имеется в виду издание: *Mother. By Maxim Gorky, with eight illustrations by Sigmund de Ivanowski. D. Appleton and Co. New York, 1907.* См. п. Горького И. П. Ладыжникову от 1/14 июня 1907 г. (*Арх. Г. Т. VII. С. 162*).

⁶ Неудовлетворенность Горького повестью «Мать», вероятно, находилась в связи с неосуществленным замыслом Горького написать вторую часть повести под заглавием «Сын» (другие варианты заглавия «Павел Власов», «Герой»), в которой рассказывалось бы о побеге Павла Власова из ссылки и о его активном участии в революции 1905 г.

⁷ См. п. 15, прим. 1.

⁸ Л. Б. Красин.

⁹ Павел Николаевич Милуков.

¹⁰ Это путешествие состоялось в мае—июне 1900 г.

¹¹ Очерк «Город Желтого Дьявола» вошел в книгу Горького «В Америке. Очерки. Часть первая». В беседе с Кондурушкиным Горький имел в виду свой очерк «Город Мамоны».